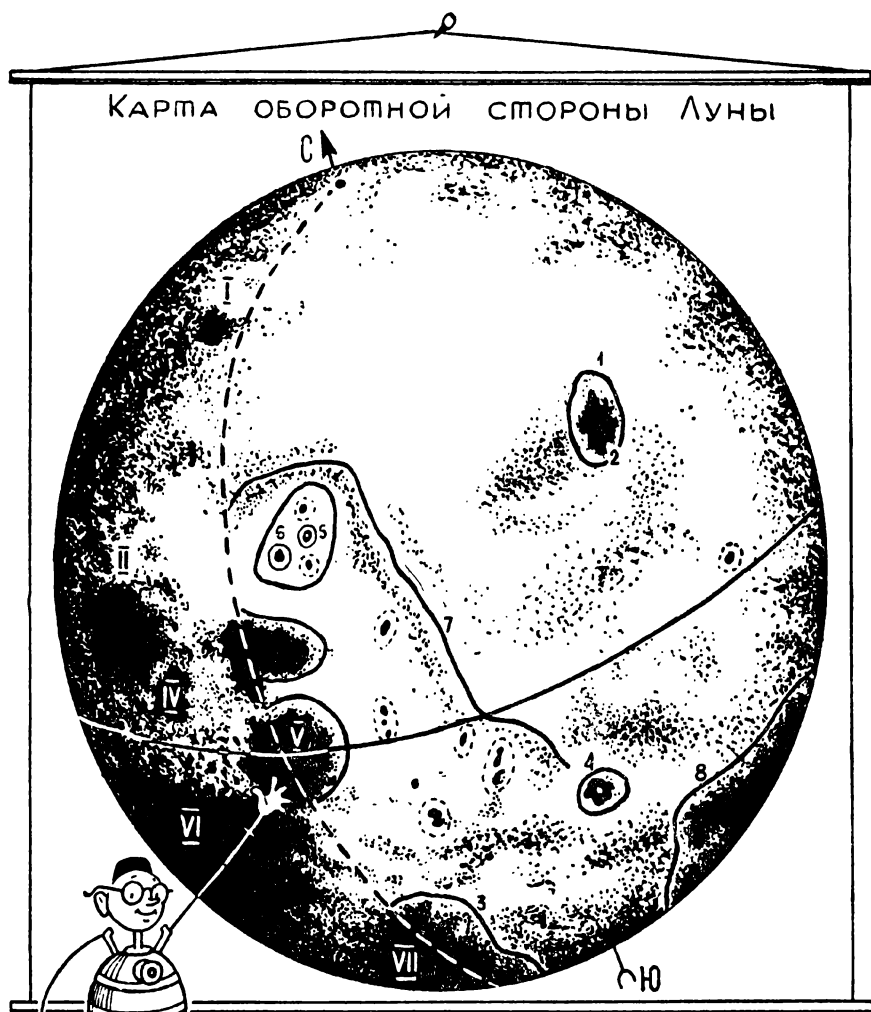

Искорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1959

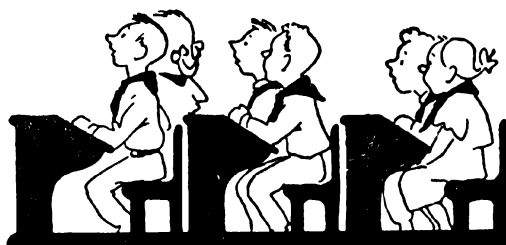

СОВЕТСКАЯ автоматическая межпланетная станция сфотографировала невидимую с Земли сторону Луны. Специальная комиссия Академии наук СССР дала названия морям и кратерам: 1. Море Москвы; 2. Залив Астронавтов в море Москвы; 3. Продолжение Южного моря на оборотной стороне Луны; 4. Кратер — Циолковский; 5. Кратер — Ломоносов; 6. Кратер — Жолио-Кюри; 7. Горный хребет — Советский; 8. Море Мечты.

Сплошная линия на карте — лунный экватор, пунктирная — граница видимой и невидимой с Земли части Луны.

Римскими цифрами обозначены видимые с Земли: I — море Гумбольдта; II — море Кризисов; III — море Краевое, продолжающееся на невидимой части Луны; IV — море Волн; V — море Смита, продолжающееся на невидимой части Луны; VI — море Плодородия; VII — море Южное, продолжающееся на невидимой части Луны.

Если вам придётся, дети,
На Луну лететь в ракете,
Вы отлично знать должны
Обе стороны Луны!

№ 11

Ноябрь 1959 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Г. Борисов, В. Михайлов

Рисунки И. Скоробогатова

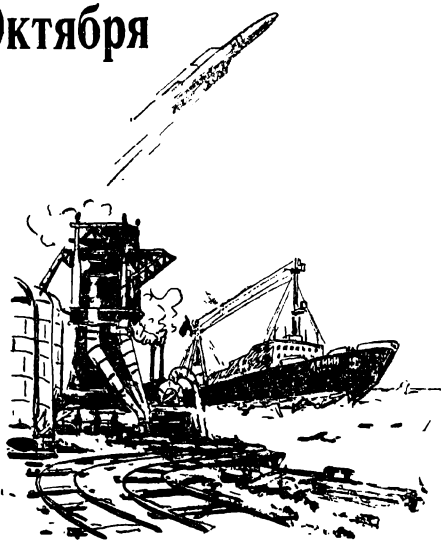
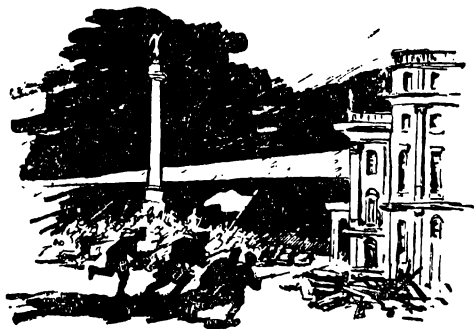
Стальная поступь Октября

Он с каждым годом ближе
людям —
Семнадцатый далёкий год.
И нашу память не остудит
Движенье времени вперёд!

Октябрь! И нет дороже даты,
Ты окрыляешь нам сердца.
...Шли революции солдаты
На приступ Зимнего дворца.

Плечом к плечу сквозь дым
и грохот,
Над головой знамён заря.
До наших дней хранит эпоха
Стальную поступь Октября.

Она везде — в больших
и малых
Делах моей родной страны,

Она порукой счастья стала.
Мы этой поступи верны.

Мы строим шахты и заводы,
В пустынях создаём моря.
И сорок два великих года —
Как сорок два богатыря.

Любовью Партии согретый,
Свершает подвиги народ.
Сигналят в Космосе ракеты,
Ломают льды атомоход.

Полны мы силы и горенья,
Наш новый светлый мир
творя.

И в каждом нашем
достиженье —
Стальная поступь Октября.

Именем революции

ФЕДЬКА бы ещё спал, но его разбудило солнце. Оно заискрилось в люстре множеством разноцветных огоньков, упёрлось лучами в трещины на зеркале камина, ударило в глаза. Внимательно, как будто в первый раз, Федька оглядел свою просторную комнату. По белому лепному потолку скользили золотистые волны. И от этого движения света гипсовая гроздь винограда, украшающая потолок, казалась настоящей. Федька зажмурился. Так прошло несколько секунд. Потом он открыл глаза и посмотрел на стол. Там, кроме пустого солдатского котелка, лежащего на боку, ничего не было. Глубоко вздохнув, Федька опять сомкнул рыжие ресницы и натянул на голову рваное разноцветное одеяло. Но за окном раздался резкий, пронзительный свист. Так свистеть мог только один человек на свете — Лёшка. Шлёпая босыми

ногами по паркету, Федька подошёл к окну, лёг животом на холодный мраморный подоконник. Во дворе возле одинокой поленицы дров стоял мальчишка. Большая с малиновым кантом фуражка налезала ему на самые глаза. Оттопыренные уши казались красными оттого, что держали на себе фуражку.

— Спишь ещё, рыжий? — крикнул он, увидев взлохмаченную Федыкину голову. — Посо-

бил бы мне, чем спать-то, а то вон сколько батька дров велел наколоть.

— Ишь, дураков нашёл! Я в воскресенье не работаю, — лениво отозвался Федька. И, внимательно посмотрев на красные оттопыренные Лёшкины уши, добавил: — И вообще батька-то у тебя буржуй, а я буржуям не помогаю.

— Какой же он буржуй? — удивлённо проговорил Лёшка, озадаченный столь неожиданным поворотом дела. Но широкие рамы Федькиного окна, блеснув на солнце зеркальными стёклами, уже захлопнулись. Лёшка привычным движением откинул голову назад, чтобы фуражка не закрывала глаза, и со злостью всадил топор в суковатый берёзовый кругляк.

Острое лезвие, мягко вклинившись в дерево, прочно застряло в нём. Напрасно Лёшка наваливался на топорище, таскал за собой по булыжникам тяжёлый чурбан, — вытащить топор так и не смог. Потом, оглянувшись по сторонам, он быстро закидал нерасколотый чурбан поленьями так, чтобы не виден был топор, и поплёлся к парадной лестнице. Когда он вошёл в Федькину комнату, тот стоял перед зеркалом и сосредоточенно разглядывал свои потрёпанные, промасленные мазутом штаны.

— Нитки можешь достать? — как будто продолжая начатый разговор, не оборачиваясь, спросил Федька.

— Могу, — недовольно пробурчал Лёшка. — И почему ты батьку буржуем обозвал?

— А поесть чего-нибудь при-тащишь?

— Поесть? Я принёс бы, да батька узнает. У него всё сосчитано.

— Ну вот, я же говорил, что он буржуй, — почему-то радостно улыбаясь, выпалил Федька.

Лёшка молчал, и вдруг в его маленьких зелёных глазках вспыхнули радостные огоньки. У камина, весело поблёскивая начищенными пуговицами, висела новая кавалерийская шинель.

— Федька, — заговорил Лёшка, — батька вчера на базаре за зелёные подсвечники полбуханки хлеба выменял. А ведь за такую шинель целых две дадут. — Он хотел сказать что-то ещё, но Федька скроил такую презрительную гримасу, что Лёшка невольно закрыл рот.

— Ты что? Отец хранить мне её велел. Говорил — пригодится ещё. А раз человек просил — значит, шабаш. И не заикайся больше.

— Так ведь отец-то не вернётся.

— Ишь, закаркал, как ворона! А если б это твоего отца убили, ты продал бы его шинель?

— А чего ж, продал бы, только у моего нет её. Какая у дворников шинель?

Тяжёлые шаги в прихожей заставили ребят насторожиться.

— Батька! — испуганно прошептал Лёшка.

Дверь приоткрылась, и в щель выглянуло рябое бородатое лицо с широким, утиным носом.

— Зачем, бездельник, чужие пороги обиваешь? Иль дело тебе не дадено? — проговорил

дворник, влезая в комнату. Лёшка растерянно оглянулся, но в этот миг проворная отцовская рука схватила его за ухо: — Я тебе, шельмец! — процедил сквозь зубы бородач и так усердно стал поворачивать Лёшкино ухо, что тот взвыл от боли. Федька, ещё не зная, чем может помочь приятелю, стремительно бросился вперёд.

— Ты что, барахольщик, делаешь? — выкрикнул он. — Нет теперь таких законов, чтобы детей бить!

— Знаю, что делаю! — грозно пробасил бородач. Лёшка тем временем дёрнул головой и, сделав стремительное винтообразное движение, вырвался из отцовских рук. Его фуражка упала на пол и покатилась, но Лёшка этого уже не видел. Он летел по лестнице, не чувствуя ступенек.

— Я тебе, шельмец, этого не прощу, погоди же! — буря Федьку маленькими бегающими глазками, медленно проговорил дворник и наклонился за фуражкой.

— Мне с твоим прощением не

чай пить, — уже спокойно ответил Федька и улыбнулся. — Годи не годи, а давай уходи! — задорно добавил он, издевательски услужливо распахивая дверь...

СОЛНЦЕ уже уселось на фабричную трубу, когда Федька выбрался во двор. Он

уже собирался осторожно заглянуть в пыльное окно Лёшкиной квартиры, но вовремя остановился. На пороге дворничьей, расстелив на коле-

нях мешковину, сидел бородач и чистил битым кирпичом почерневшую бронзу лампы. Федька сделал безразличный вид и, не оглядываясь, не спеша зашагал на улицу. Улица была пустынна. Ветер давно уже оборвал на деревьях все листья и теперь, не зная, куда приложить свои силы, задирает ровные листы железа на крышах, сметал и снова разметал шелуху семечек, рвал пожелтевшие афиши. С большого, плохо приклеенного к забору листа на Федьку смотрело непримиримо строгое лицо красногвардейца. «Все на борьбу...» — медленно шевеля губами, начал читать Федька. Но край плаката был оборван, из-под него выглядывала вымазанная клеем хитрая физиономия циркового клоуна.

— Рыжий! — услышал Федька осторожный шёпот приятеля. — Батьку видел?

Лёшка стоял на краю тротуа-

ра, зябко переминаясь с ноги на ногу.

— Ага, на базар собирается, старьё чистит, — успокоительно ответил Федька и вдруг радостно свистнул.

По мостовой, тяжело переваливаясь на ухабах, катилась повозка. Сытый, ядрёный запах ржаного хлеба растекался по улице. Федька многозначительно почесал затылок и, бросив короткое «жди», побежал за повозкой, которая уже успела скрыться за углом.

Лёшка несколько минут раздумывал и хотел было уже последовать за товарищем, но резкий крик «держи!» остановил его.

Из-за угла навстречу ему бежал Федька. Тихая, сонная до этого улица внезапно ожила. Она как будто только и ждала того момента, когда рыжий мальчишка, вскочив на повозку, выхватит из ящика буханку хле-

ба. Следом за Федькой, грохоча тяжёлыми солдатскими сапогами, бежал возница. А дальше, крича и ругаясь, по улицам мчались какие-то возбуждённые люди. Но расстояние между ними и Федькой всё увеличивалось. «Уйдёт», — радостно подумал Лёшка и ещё глубже спрятал голову в поднятый воротник. Но тут тощий верзила в короткой студенческой куртке выскочил из парадного и, раскинув в стороны длинные руки, бросился навстречу Федьке. Федька, как затравленный зверёк, подался назад и юркнул во двор своего дома. Вдруг чей-то резкий удар в голову опрокинул его на землю. Буханка выскользнула из рук.

ТОЛЬКО к вечеру голодный и уже уставший бояться грозящей расправы Лёшка пришёл домой. Отец против обыкновения даже не снял ремня, который всегда висел над кроватью.

— А приятель-то твой в тюрьме уже, — довольно проговорил он, подвигая к сыну полную миску дымящихся щей.

Когда Лёшка, всё ещё не доверяя отцовской доброте, осторожно присел на краешек табурета и нерешительно подошёл к себе тарелку с хлебом, тот вытащил из сундука большую связку ключей.

— Утречком к рыжему сходишь, шинель у него заберёшь. Присмотрел, у камина висит?

— Батя, а если Федька вернётся, тогда что?

— Знаю, что делаю. Оттуда не возвращаются.

В БОЛЬШОМ прокурённом зале на креслах, обтянутых бархатом и шёлком, на узких деревянных скамейках, на подоконниках — всюду, где только можно, разместились люди. Федька старался на них не смотреть. Он понуро сидел у окна, безучастный ко всему происходящему. Словно во сне, до него смутно доносились голоса. Кто-то доказывал, что он никогда не жил в Петрограде и никакого оружия не прятал. Кто-то слезливо просил вернуть мешки с капустой, которые везёт больной матери. Кто-то умолял не губить кормильца. А над всем этим разноголосым хором властно гремели тяжёлые, неумолимые слова: «Именем революции...».

Чтобы немного отвлечься и не заплакать, Федька стал считать мокрых, нахохленных, галок, сидевших на карнизе маленькой часовни. Но каждый раз сбивался. Он очнулся только тогда, когда в наступившей тишине услышал свою фамилию. Лёгкий толчок в спину заставил его встать. Опустив голову, он подошёл к столу, покрытому кумачом. Плотнo сжав побелевшие губы, стал слушать сбивчивый рассказ возницы, как он, Федька, среди бела дня воровал хлеб. Длинный старик, всё время поправляя на носу пенсне в золотой оправе, тонким, срывающимся голосом кричал из зала, что Федька враг революции и голодного пролетариата.

«Совсем пропал!», — подумал Федька, увидев, как из первого ряда медленно и степенно поднялся Лёшкин отец. Деловито

погладив бороду, дворник старательно поклонился в сторону Фёдки и людей, сидящих за красным столом.

— Глубокоуважаемые граждане судьи, — слышался вкрадчивый, певучий голос. —

Это я его, как сознательный элемент, за руку схватил.

— А по голове зачем парня хватил? — резко перебил его неожиданно появившийся рядом матрос.

— Знаю, что делаю. Не первый год преступников ловим, — огрызнулся бородач.

— Но-но, ты у меня «знаю, что делаю» эти замашки брось, может, у него батька за тебя, шкура, кровь на фронте проливает, — высоко поднимая забинтованную руку, хрипло говорил матрос. Рядом с матросом Лёшкин отец перестал казаться большим и сильным. И это обрадовало Фёдку. В тот же момент он услышал:

— Не хватит ли свидетелей? По-моему, уже всё ясно.

Фёдка покосился и внимательно посмотрел на молодого, худощавого парня, сидевшего за столом. Его новая чёрная кожанка, ладно сидевшая на плечах, широко распахнутый ворот

синей косоворотки, ясные серые глаза, казавшиеся немного усталыми и печальными, почему-то пришлось Фёдке по душе. Ему стало неприятно, что сейчас этот человек в кожанке будет тоже расспрашивать его, зачем и почему крал хлеб. Но услышал он совсем другое:

— Ты с кем живёшь?

— Один.

— А родители живы?

— Батька, может, жив.

— А кто он у тебя?

— Солдат на фронте был. Ко мне потом приезжал, газеты всё какие-то развозил. Говорят, юнкера его поймали.

В зале стало совсем тихо. И только маятник часов в большом деревянном футляре гулко отсчитывал секунды.

— Ну, а воровать будешь? — снова задал вопрос сидевший за столом парень.

— Не знаю, — чистосердечно ответил Фёдка. — На еду получки бы мне хватило, а тут ещё за комнату платить надо. И зачем мне, её такую большую дали? Буржуй я, что ли!

В зале засмеялись, закашляли. Сидящие за красным столом торопливо собрали бумаги и стали тихо совещаться. Фёдка понял, что сейчас должно произойти самое главное. И когда в зале размеренно и бесстрастно прозвучали слова: «Приговор Революционного Петроградского района объявит председатель Ревсуда товарищ Василий Алексеев», Фёдка замер и насторожился. Зажмурив глаза, он стал старательно вслушиваться в каждое слово. Но одна и та же

мысль, что же с ним сделают, мешала ему сосредоточиться. Так прошло несколько томительных минут. И вот, наконец, прозвучали слова, которые Фёдка запомнил на всю жизнь: «...но принимая во внимание вышеизложенное, постановляет: освободить его от уплаты за квартиру до полного совершеннолетия».

Не веря своим ушам, Фёдка широко раскрыл удивлённые глаза. Но парень в кожанке, которого сидящие за столом уважительно называли товарищем Василием Алексеевым, так спокойно и ласково смотрел на него, что сомневаться уже было не к чему. Расталкивая окружающих, к Фёдке подошёл матрос с перевязанной рукой.

— Повезло тебе, братишка, — сказал он, опустив здоровую руку на Фёдкино плечо. — Пойдём-ка к нам в экипаж, подкормить тебя требуется.

Народ из зала постепенно расходился. И только в первом ряду одиноко и неподвижно сидел Лёшкин отец. Его корявые короткие пальцы, которыми он полчаса назад уже мысленно гладил шершавое сукно новенькой кавалерийской шинели, как клещи, впились в подлокотники дубового кресла. Нет, он жалел не только шинель, которая была уже почти его. Он жалел то старое, понятное ему время, ушедшее навсегда.

КОГДА Фёдка, счастливый и сытый, медленно поднимался домой по тёмной лестнице, на площадке второго этажа что-то зашевелилось.

— Рыжий, хорошо, что ты вернулся, — услышал он сдавленный Лёшкин голос. — А то бы и мне сегодня воровать пришлось.

— Что воровать? — удивлённо спросил Федька.

— Шинель твою батька велел украсть, говорил, что ты не вернёшься. А я всё сидел и ждал, думал — вдруг придёшь. Ты и пришёл.

Лёшка замолчал, и на лестнице послышалось громкое, прерывистое всхлипывание.

— Ладно, будет, — стараясь быть солидным, начал Федька. — Чего нюни распустил? Тут, братишка, плачем делу не поможешь. Бороться надо.

— С кем бороться? — осторожно задал вопрос Лёшка, перестав всхлипывать.

— Как с кем? Конечно, с буржуями. Да ты не волнуйся, им всем крышка. Амба, как говорит один мой знакомый с миноносца.

Сказав это, Федька взял приятеля за руку и повёл к себе в комнату.

Засветив керосиновую лампу, он подошёл к камину, решительно снял с гвоздя длинную отцовскую шинель и положил её рядом со своим рваным одеялом.

— Сейчас спать ложись. Завтра у меня с тобой разговор будет.

И уже мягче добавил: — А то я, понимаешь, гудок просплю.

Они улеглись на полу, тесно прижавшись друг к другу. — А шинель-то тёплая, — сонным голосом вяло проговорил Лёшка. Где-то далеко-далеко ухнула пушка.

— Какое сегодня число? — спросил Федька.

Лёшка молчал. Его острые колени упёрлись приятелю в живот. Но Федька не двигался — пусть спит. Ветер за окном качал фонарь, и от этого по комнате двигались какие-то замысловатые тени. Постепенно Федьке стало казаться, что это уже не тени, а чудовища, которые хотят на него напасть. Но неожиданно рядом с собой он увидел скуластое, добродушное лицо с заломленной бескозыркой. Матрос взмахнул забинтованной рукой, и они пошли. Тени стали исчезать. А они всё шли и шли по бескрайнему полю. В них стреляли, но Федьке было совсем не страшно. Он знал, что его не убьют, его не могут убить. Он только старался не отстать от матроса. Острые языки взрывов кололи небо. От орудийных залпов земля под ногами качалась и дрожала. Но здесь, среди свиста, лязга и грохота, Федька слышал беспощадные для врагов слова: «Именем революции».

Вот уже третий год работает Пашка в сапожной мастерской Ивана Семёновича.

Пашка — круглый сирота. Сколько помнит, всегда он жил у чужих людей. Три года назад умерла слепая бабушка, с которой он ходил по улицам Киева и просил «христа ради». После её смерти мальчика «из милости» взял в свою мастерскую Иван Семёнович.

От природы Пашка — парень омышлённый. За три года он научился сапожничать и теперь работает не хуже подмастерья. Но хозяин всё ещё считает его учеником и не платит денег.

Спит Пашка тут же, в мастерской.

Вначале мальчик очень боялся оставаться ночью в мастерской. Никого нет, в трубе жутко завывает ветер, по полу шныряют голодные крысы, а за окном всё время слышатся чьи-то шаги. Но потом Пашка привык и уже ни на что не обращал внимания. И только когда обнаг-

левшие крысы начинали бегать слишком близко и будили Пашку, он швырял в них сапогом и снова засыпал...

Сапожная мастерская Ивана Семёновича помещалась в низеньком сыром подвале. Маленькие решётчатые окна едва подымались над землёй. У одного из таких окон и работает Пашка.

В мастерской всегда темно, пахнет гнилой кожей, гуталином и ещё каким-то невыносимо противным и тяжёлым запахом, от которого порой даже кружится голова.

Сидит Пашка на низенькой табуретке с сидением, сплетённым из брезентовых ремней, и время от времени поглядывает в окно. Изо дня в день он видит одну и ту же картину: грязный, заплёванный тротуар, мостовую, низ чугунного фонарного столба и книжную лавку на противоположной стороне улицы. Скучно. Хотя кое-что непрерывно меняется в этой однообразной кар-

тице. Это — ноги. Окно настолько низенькое, что людей не видно, видны лишь ноги. В грубых солдатских сапогах, в красивых лакированных туфлях, в востроносых хромовых ботинках, в изодранных галошах, в постолах* и просто грязные, босые ноги. Оттого ли, что Пашка всё время видит только ноги, а возможно, и потому, что судьба заставила его заняться сапожничаньем, ноги в Пашкином сознании начали жить своей особой жизнью. Пашка научился по ногам различать людей, их характеры, привычки и нравы. И, встречая нового человека, он прежде всего смотрит на его ноги, а потом уж на лицо.

Порой в окне вместо двух ног мелькает одна. В изодранном солдатском сапоге она смешно скачет между костылей. А иногда... Иногда Пашка видит всего человека. Видит потому, что у человека вовсе нет ног. Пашка очень перепугался, когда впервые увидел такого человека. Безногий инвалид точно рос из земли. Он с трудом передвигал своё короткое тело, опираясь на руки, которые казались неестественно длинными. Лицо у человека было страшное: серое, обросшее щетиной, а глаза воспалённые, красные и безнадежно усталые. Пашка долго смотрел ему вслед, прижавшись лбом к стеклу, а потом с грустью подумал, что этому человеку никогда уже не понадобится сапожник, не потребуется Пашкино ремесло. В тот день у Пашки всё валилось из рук, и

он заработал немало подзатыльников от своего хозяина.

Постепенно Пашка привык к инвалидам. Их с каждым днём становилось всё больше и больше. Шла первая мировая война. Где-то далеко на западе, неизвестно зачем и почему, люди убивали и калечили друг друга. По улицам Киева ходили толпы оборванных, голодных беженцев из Польши. Возле хлебных магазинов стояли длинные очереди.

А по Крещатику* прогуливались нарядные дамы в пышных платьях и откормленные, толстощёкие паньчи с усиками. Из дверей кабаре «Розовый крокодил» донсились пьяные выкрики и весёлая музыка. Там «При участии конферансье Алексеева» шла новая программа: «Сплошной скандал». А напротив кабаре, в «Кинотеатре А. А. Шанцера» демонстрировалась художественная постановка «И сердцем, как куклой, играя, он сердце, как куклу, разбил».

Крещатик веселился.

Пашке приходилось в один и тот же день ремонтировать и солдатские ботинки, изорванные на дорогах войны, и панские туфли, потёртые на танцах.

Хотя набивать набойки на барских туфлях было нетрудно, а с солдатскими ботинками, которые расплзались под руками, приходилось очень долго возиться, Пашка почему-то с большей охотой ремонтировал именно это, казалось бы, безнадёжное рваньё, чувствуя какое-то странное удовлетворение.

* Постола — крестьянская обувь из куска сыромятной кожи.

* Крещатик — главная улица Киева.

Склонившись над работой, Пашка часто думал: почему же так? Почему жизнь такая непонятная и жестокая? Почему в то время, когда одни страдают и гибнут, другие беззаботно веселятся? Где же справедливость? Неужели так должно быть? Почему?..

Отвращение и ненависть закипали в сердце Пашки к несправедливой жизни, и он в бессилой злости изо всех сил колотил молотком по подмёткам панской обуви.

А хозяин, Иван Семёнович, поглядывал на Пашку и думал: «Старается парень!»

ОДНАЖДЫ хозяин приказал Пашке:

— Беги, парень, к букинисту напротив. Пусть отдаст рублёвку, что за подмётки должен. Чего он тянет? Уже неделя прошла. Скажи, хозяин требует.

И Пашка побежал. Букинист Самоненко сидел за прилавком, читал какую-то книжку и пил чай из большой чашки. Был он совсем лысым, краснощёким, с седыми пышными усами, и брови у него были такие густые и мохнатые, что казалось, будто над глазами Самоненко растут такие же усы. А глаза — живые, весёлые, вовсе не стариковские.

Пашка, запинаясь, передал слова хозяина. Самоненко отложил книжку, поднял свои странные брови и, весело взглянув на Пашку, сказал:

— Ты смотри! Грустный факт!.. К сожалению, нет у меня сейчас в хозяйстве рубля. Но я сегодня же достану и рассчитаюсь. Так и передай хозяину. Се-

годня же отдам. Пусть не волнуется.

Хотя старик говорил спокойным, шутливым тоном, но ему, видимо, было всё-таки неловко, что у него нет денег. И, чтобы скрыть неловкость, он начал расспрашивать Пашку: как зовут, сколько ему лет, давно ли работает, где родители...

Отвечал Пашка коротко и неохотно. Не любил он этих бессмысленных, любезных расспросов. Очень часто посетители, когда им приходилось ожидать заказ, задавали Пашке такие же вопросы. Вначале Пашка отвечал на них охотно, радуясь, что на него обращают внимание и интересуются его судьбой, но со временем понял, что расспросы ведутся от скуки, чтобы скоротать время, что посетители равнодушны и к нему и к его несчастливой судьбе. С тех пор Пашка возненавидел такие разговоры.

Сейчас ему тоже хотелось бы поскорее уйти. Но в голосе старика было что-то непривычно ласковое, приветливое, тёплое. И это остановило Пашку.

А старик смотрел на угасшие, грустные глаза мальчика, на серое болезненное лицо, которое почти не знало солнца, на худенькие сгорбленные плечи, и какая-то непонятная нежность волнами заливала его сердце.

Быть может, припомнил он своё детство, а возможно, Пашка чем-то напоминал маленького внука... Кто знает?..

Когда Пашка повернулся, чтобы уйти, Самоненко приветливо и очень просто, словно они уже давно знакомы, сказал:

— Погоди, мальчик. Знаешь... приходи вечером ко мне в гости. Чайку попьём, потолкуем. Приходи!

Пашка недоверчиво и даже испуганно посмотрел на старика. Ни разу в жизни никто никогда не приглашал его в гости. Быть может, старик шутит, посмеяться хочет?.. Нет, глаза его смотрят приветливо и ласково.

И на душе Пашки вдруг стало тепло и радостно. Он смущённо улыбнулся и выскочил из магазина.

В тот день Пашка никак не мог дожидаться вечера. Он так старательно начистил свои убогие сапожки, что они даже засияли от блеска. Суровой ниткой зашил дырку на рукаве. Долго и старательно отмывал песком в ледяной воде почерневшие, огрубевшие руки..

Вечером Пашка запер мастерскую и, осторожно ступая, чтобы не испачкать сапоги, направился к букинисту. Отворил дверь и нерешительно остановился на пороге.

Самоненко был не один. У прилавка стояла высокая, стройная и очень красивая девушка в чёрном платье. Заметив Пашку, Самоненко как-то странно переглянулся с девушкой и поспешно сунул что-то под прилавок.

— А-а, это ты! Гм... Знаешь, сынок, не повезло нам с тобою. Занят я сейчас. Да и... уйти мне надо будет. Видно, придётся отложить...

Пашкины глаза затуманились слезами — так больно и обидно стало мальчику

Самоненко, видимо, заметил это.

— Эх, как нехорошо получилось... Что же нам придумать?.. Может, книжку тебе дать? Ты умеешь читать? Вот и прекрасно. Что бы тебе дать? — старик принялся рассматривать полки с книгами. — Ага, вот. Как раз для тебя. Только смотри не испачкай и не порви. Книги — это, брат, очень ценная вещь. Прочитаешь — приноси. Тогда и чайку попьём. Ну, будь здоров!

Пашка вышел из магазина и медленно побрёл через дорогу. На душе у мальчика было очень скверно. Так не хотелось из светлого, уютного и тёплого магазина возвращаться в сырой и тёмный подвал...

Мальчик зажёл свечу, положил голову на руки и, глядя на огонёк, задумался. Хотелось плакать, но плакать он не умел.

Книжка лежала на столике у самого подсвечника — маленькая, тоненькая, в серой бумажной обложке. Равнодушным движением пододвинул её Пашка к себе поближе и рассеянно прочитал название: «Антон Чехов. Ванька. Рассказ». Потом раскрыл первую страницу и без какого-либо интереса, по слогам начал читать:

«Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать...»

Когда Пашка вдруг понял смысл прочитанных строк, он поразился: «сапожник?!».

И Пашка принялся читать дальше... Потрескивая, горела свеча. Шелестели переворачи-

ваемые странички. И всё сильнее и сильнее стучало сердце мальчика. Таким близким и знакомым было всё то, о чём он читал! Мальчику казалось, что вот тут, совсем рядом, в тёмном углу мастерской сидит тот, кто рассказывает о жизни Ваньки Жукова, так похожей на его, Пашкину, жизнь. Даже мороз пробежал по спине Пашки. Он боялся поднять голову, чтобы случайно не увидеть его. И, казалось, впервые почувствовал и понял Пашка, как невыносимо тяжело живётся ему — хуже всех на свете!

Даже Ваньке, несчастному Ваньке Жукову, позавидовал он. У Ваньки был дедушка, которому можно было написать и отправить письмо, — пусть даже без адреса. Всё-таки Ваньке легче: ему хотя бы мысленно есть кому пожаловаться. А у Пашки — никого, никого на всём белом свете. Ванька жил когда-то в селе с родными, и у него были счастливые дни, и даже гармошка была у него, и

на ёлке он бывал, и с дедушкой в лес ездил... в лес...

Как хорошо, вероятно, в лесу! Птички поют, деревья шелестят листьями, зайцы бегают по травке... Никогда не бывал Пашка в лесу. Одно лишь он знает и помнит — грязные, заплёванные тротуары, мостовые с конским навозом, сырые, вонючие подвалы и ноги. Огромные, грубые ноги, которые норовят наступить на Пашку, толкают его, маленького мальчика, ведущего по улицам и базарам Киева слепую старушку-нищенку. А потом мастерская и снова — ноги. И хозяин Пашки — Иван Семёнович — не лучше Ванькиного Аляхина. А возможно, ещё хуже.

Пламя свечи в последний раз вспыхнуло и медленно погасло.

ТАК познакомился Пашка со старым Самоненко.

Теперь мальчика часто можно видеть в книжном магазине. В уголке, на низеньком столике стоит медный самоварчик, и Самоненко с Пашкой пьют чай и беседуют. Оттого, что Пашке рассказывать не о чем, он больше молчит и слушает.

А когда все темы разговоров кончатся, они читают. Правда, Пашка не столько читает, сколько рассматривает картинки в книжках. Но и это тоже очень интересно. Ежеминутно у Пашки готов сорваться вопрос: «А что это? А почему это так?» Но спрашивать он стесня-

ется и, пересиливая любопытство, молчит. Лишь изредка, когда уже терпеть не хватает сил, тихо, с опаской шепчет:

— Ого, какой всадник интересный! И штуковина, смотри ты, какая ловкая позади едет...

Старик отрывается от чтения и разъясняет Пашке, что тут нарисовано, о чём вообще написано в книге. И каждый раз Пашка удивляется — неужели старик прочёл все эти книги?

Пашка уже знает, что Самоненко зовут Тарас Иванович, что родом он из Одессы и когда-то был моряком. Старик часто рассказывает Пашке о далёких морских странах, об отчаянных одесских матросах, о необычайных происшествиях, приключившихся с ним...

Растроганный и взволнованный рассказами Тараса Ивановича, Пашка порой не удерживается и начинает жаловаться на свою долю: работа каторжная — спину не разогнёшь; заказчики придираются; хозяин бьёт ни за что... Тарас Иванович слушает и, глубоко вздохнув, говорит:

— Эх, Пашка, Пашка! Бедняжка ты мой... Горькая твоя судьба. Но разве только у тебя такая собачья жизнь? Сколько горя, сколько несправедливости на свете!.. И я вот в детстве горя немало хлебнул. Как вспомню, и сейчас ещё волосы кверху поднимаются. Был я тогда таким же маленьким, как и ты. Юнгою служил на корабле «Георгий Победоносец». Большущий корабль, целый город... Помощником капитана был у нас один «морской волк», немец

Лапундер. Лицо страшное, пучеглазый, руки длинные, узловатые, а ладонь — как лопата. Сгребёт, бывало, за чуб, да как начнёт стегать линьком*, в морской солёной воде намоченным, — глаза на лоб вылазят. Ко мне тот Лапундер почему-то был особенно внимателен, ежедневно лупил. Места живого на мне не было... А вокруг только море — безлюдное, бескрайнее. Ни убежать, ни спасения искать негде. Казалось, что и вода в море солёной стала от моих слёз. Частенько мне снилось, что я отомстил Лапундеру, а жизнь моя стала лёгкой и радостной. Я просыпался, полон надежд...

И, знаешь, что случилось? Однажды, во время купанья в открытом море, Лапундер неожиданно утонул. Никто не знал, как это случилось, — превосходный был пловец... Только... с тех пор я очень подружился с одним матросом, Иваном Цыбуленко. Настоящий великан был. И плавал, как рыба, — почти две минуты под водою мог пробыть. Он меня и к книгам приучил. Очень умный был человек. Отца мне заменил. Благодаря ему я жизнь по-настоящему понимать научился... И с тех пор верю... — Тарас Иванович загадочно улыбнулся. — С тех пор я верю... в счастливые сны. В счастье верю. Надо обязательно верить в счастье! И... добиваться его.

ПРОХОДИЛИ дни. И чем дальше, тем крепче становилась дружба Пашки и Тараса

* Линёк — толстый канат.

Ивановича. Всё неистраченное чувство любви, которое неприкосновенно лежало в душе Пашки, он отдал теперь старому букинисту. Это был первый в жизни Пашки человек, которого он полюбил. А Тарас Иванович и не подозревал даже, как сильно привязался к нему мальчик.

Одно лишь тревожило Пашку. Была в жизни Тараса Ивановича какая-то, не известная Пашке, тайна. Мальчик чувствовал это. Подозрение возникло у него ещё тогда, когда он впервые пришёл к Тарасу Ивановичу и увидел в магазине девушку в чёрном платье, а старик что-то поспешно запрятал под прилавок. В магазин частенько приходили одни и те же люди. Говорили они с Тарасом Ивановичем вполголоса, шёпотом. А когда появлялся Пашка, разговор сразу прерывался.

Чаще всех приходила Варя (так звали девушку в чёрном платье). Она приносила какие-то свёртки, и Тарас Иванович прятал их под прилавок, а потом отдавал покупателям.

Вероятно, Варя была давно знакома с Тарасом Ивановичем. Он всегда приветливо встречал её и радовался, когда та приходила. А однажды, совсем случайно, Пашка слышал, как Тарас Иванович сказал Варе:

— Ты смотри, Варенька, береги себя. Понапрасну не рискуй...

Пашка очень удивился: Тарас Иванович сказал Варе «ты». Но когда в магазине был кто-нибудь, старик всегда называл её на «вы». И о каком риске говорил Тарас Иванович?

Пашка ничего не мог понять. Кто эти люди? О чём так тихо говорит с ними Тарас Иванович? Почему они всегда волнуются?

Не раз Пашка хотел расспросить обо всём Тараса Ивановича, да всё не решался. А вдруг старик рассердится? Он, вероятно, не хочет, чтобы Пашка об этом знал. Если бы хотел, сам давно рассказал бы.

И Пашка молчал. Молчал и мучился от неизвестности.

Но однажды...

ХОЗЯИН послал Пашку на Подол* за гвоздями. Долго шёл мальчик кривыми и узкими подольскими улицами. Вдруг подле небольшого одноэтажного домика он увидел толпу. Люди стояли кучками и о чём-то возбуждённо разговаривали. Что же случилось? Заинтересовавшись, Пашка подошёл поближе. Долговязый дядька с красным носом и пьяными весёлыми глазами (видимо, приказчик) говорил, ругаясь после каждого слова:

— Подпольную типографию накрыли, сто чертей его матери! Пятьсот революционеров арестовали, сто чертей его матери! Листовки печатали. Против царя, сто чертей его матери!..

Трудно было понять, кого он ругает,—то ли революционеров, то ли царя.

— Ведут! — вскрикнула какая-то молодая женщина. Толпа расступилась. Из ворот вышли жандармы с оголёнными саблями. Они вели четырёх мужчин и одну женщину. Пашка взгля-

* Подол — район Киева.

нул и... чуть было не вскрикнул. Это была Варя.

Она тоже заметила в толпе Пашку, узнала его и на секунду даже приостановилась. Глаза её вспыхнули радостными огонь-

ками. Она так посмотрела на Пашку, словно хотела сказать что-то очень важное. И именно ему. Но только мигнула ресницами, склонила голову и прошла.

Пашка замер на месте. Исчезли за углом жандармы с арестованными, постепенно разошлась толпа, а Пашка точно прилип к одному месту — не мог шагу ступить. Лишь сердце бешено стучало в груди.

Мальчик вдруг всё понял.

Так вот какая тайна у Тараса Ивановича! Тарас Иванович — революционер, борется против царя! Это была такая неожиданная новость, что Пашка никак не мог опамятоваться. Он уже не раз слышал о революционерах, но никогда не видел их. Они казались ему какими-то сказочными, надуманными, неживыми существами, и он мало верил тому, что есть какие-то революционеры... И вдруг оказалось, что самый дорогой Пашке человек, Тарас Иванович, — революционер!

Пашка вздрогнул. Чего же он стоит? Ведь Варя так выразительно посмотрела на него. Она хотела что-то сказать... Наверно, чтобы он бежал к Тарасу Ивановичу, рассказал... Конечно!

Не чуя под собою ног, Пашка изво всех сил помчался назад...

Тарас Иванович, приветливо улыбаясь, разговаривал с покупателем, каким-то солидным баринном в серой каракулевой шапке.

Пашка остановился у порога и, с трудом переводя дух, молча смотрел на Тараса Ивановича. А он заметил Пашку, и сразу же улыбка исчезла с его лица. У мальчика был такой взволнованный и растерянный вид, что старик, видимо, сразу понял — случилось какое-то несчастье.

— Зайди, Паша, — кивнул он головою в сторону дверей, ведущих в заднюю комнату. — Я сейчас освобожусь.

Пашка прошёл в комнату и, обессиленный, опустился на ящик с книгами. От быстрого бега сердце вырывалось из груди.

Через несколько минут в комнату зашёл Тарас Иванович.

— Что случилось?

— Варю... жандармы... забрали... — запинаясь, произнёс мальчик. — Подпольную типографию... накрыли.

— Что? Что ты мелешь? Откуда ты это взял?

— Сам видел... На Юрковской, на Подоле...

— Так! — Тарас Иванович насупил брови и крепко стиснул зубы. — Так! — повторил он ещё раз. — Хорошо, Паша, что сказал. Только... никому больше об этом не говори. И забудь обо всём, что видел. Ты Варю не знаешь и никогда не встречал её у меня. Понятно?.. А теперь иди домой. Иди, сынок...

В ТОТ вечер Пашка долго не мог уснуть. Мысли возникали и путались в голове мальчика. Тарас Иванович — революционер. Это ясно! Но почему же он скрывал от Пашки? Неужели не доверял ему? Неужели боялся, что Пашка изменит, выдаст его? Как обидно и больно даже думать об этом! Эх, Тарас Иванович, Тарас Иванович!.. Если бы ты знал, что Пашка для тебя готов на всё, даже на смерть. Пашка тоже пойдёт против ца-

ря, как и ты! Поверь! Пашка тоже хочет бороться! Он тоже хочет стать революционером. Слышишь?!

...Пашка очнулся от стука в окно. Уже давно наступила ночь. Сразу мальчик не мог понять, почему он проснулся. Потом услышал стук в окно и замер от страха. «Жандармы! Пронюхали, что он бывал у Тараса Ивановича, и теперь вот пришли за ним!..»

В окно стучали не громко, но настойчиво. Мальчик подполз к окну и взглянул на улицу. За окном, освещённый бледным лунным светом, стоял Тарас Иванович. Пашка быстро кинулся к двери и впустил старика. Тарас Иванович был в сапогах, в брезентовом плаще с капюшоном. В руках он держал небольшой старый чемоданчик.

— Ты прости, Паша, за то, что я разбудил тебя... Запри дверь на крючок...

Тарас Иванович поставил чемоданчик, сел и обнял мальчика за плечи.

— Послушай, сынок, я к тебе по одному очень серьёзному делу. Ты теперь всё знаешь. И... пожалуй, только ты один сейчас можешь мне помочь... Я еду в Питер. Мне надо провезти туда очень важную бумагу. В дороге теперь часто обыскивают. Надо запрягать её так, чтобы не нашли. Лучше всего запрягать в каблук сапога. Сумеешь?

Какая-то непонятная и в то же время огромная радость охватила Пашку. Ему так много хотелось сказать Тарасу Ивановичу, но он вымолвил лишь одно слово:

— Хорошо!

Потом задумался и спросил:

— А не промокнет?

— В резиновом чехле будет, — Тарас Иванович, кряхтя, начал стаскивать сапог.

Пашка зажёл свечу и, деловито нахмутив брови, принялся осматривать сапог. Был он из свиной кожи, поношенный, с латками в нескольких местах. Протяжно сказал «м-да...» и принялся за дело.

Тарас Иванович сидел напротив и пристально смотрел на мальчика. Кажется, никогда ещё в жизни Пашка не работал так старательно и любовно! Каблук был уже готов, но Пашка всё ещё пристукивал его молотком, чистил рапилом и мочил рант водою. Наконец он в последний раз пристукнул молотком, снял сапог с «лапы» и протянул Тарасу Ивановичу:

— Всё, кажется.

Тарас Иванович взял сапог и

пристально стал осматривать «каблук с секретом».

— Вы примерьте, — сказал Пашка. — Может быть, жмёт? Так я...

Он не успел договорить. Тарас Иванович обнял и крепко поцеловал мальчика.

— Спасибо, сынок, большое спасибо... Я и не знал, что ты такой мастер. Настоящий мастер-сапожник.

У Пашки запершило в горле, глаза подёрнулись слезой. И он вдруг жалобно, совсем по-детски, спросил:

— А вы очень надолго... едете?

Тарас Иванович обнял его и прижал к груди.

— Не знаю, Паша. Честно говорю — не знаю. Может быть, скоро возвращусь, а быть может, и надолго... Но к Новому году, пожалуй, приеду. И мы вместе встретим Новый год. Он обязательно должен принести нам что-нибудь хорошее.

...Сколько раз вспоминал Пашка эти слова!

ТАРАС Иванович уехал. И потянулись дни за днями. Тоскливые, однообразные. Пашка очень скучал и с нетерпением ожидал прихода Нового года. Дни считал. И их становилось всё меньше и меньше.

Уже давно выпал снег. Деревья стояли в богатом белом наряде, таком лёгком и прозрачном, точно из ваты и маленьких стекляшек. По улицам всё чаще и чаще проезжали сани, на которых лежали большие пушистые ёлки. Их нежные ветки волочились по снегу, теряя ма-

ленькие темно-зелёные иголки. В морозном воздухе стоял волнующий запах хвои. Приближались праздники, а Тараса Ивановича всё ещё не было.

За окном мастерской, как и обычно, мелькал бесконечный поток ног. Глядя на них, Пашка каждый раз с грустью думал: по каким дорогам ступают сейчас старые латаные сапоги Тараса Ивановича?

Наконец наступил и новогодний вечер. Хозяин Иван Семёнович, пьяный с самого утра, дал Пашке на прощанье две звонких оплеухи и, поддерживаемый с обеих сторон подмастерьями, направился домой.

Пашка пристроился на своём любимом месте, на подоконнике, и принялся пристально смотреть на улицу. Прохожие были празднично возбуждены и куда-то торопились. Часто нетвёрдой походкой проходили пьяные с раскрасневшимися весёлыми лицами. В окнах зажигались огни. Кое-где за замёрзшими стёклами сияли разноцветные огоньки ёлок. Где-то наверху, над подвалом, уже слышалась музыка и шарканье ног — там танцевали.

И вдруг в дверь мастерской кто-то постучал. Пашка открыл и удивлённо замигал глазами. На пороге стоял незнакомый юноша в серой шинели. Потом Пашка припомнил, что как-то раз видел его в книжном магазине.

— Паша?.. Ну, здравствуй! Это тебе от Тараса Ивановича. Посылка и письмо, — протянул ему юноша большой, перевязанный верёвочкой, свёрток и голубой конверт.

Пашка так растерялся, что не мог слова вымолвить.

Юноша улыбнулся:

— Ну, прощай! Я бегу. Очень тороплюсь.

И ушёл. Пашка даже не успел поблагодарить его. Дрожащими руками разорвал конверт.

«Дорогой Паша!

Прости, что так случилось. Не мог я приехать к Новому году. Очень серьёзными делами занят. Ты же сам знаешь. Поэтому и задержался. Но ты не горюй. Новый год обязательно принесёт тебе счастье. Я в это верю. Он должен быть счастливым, этот Новый год. И он будет по-настоящему новым.

Мои товарищи передают тебе большой привет. Они все удивляются, как ты можешь так замечательно работать. Если бы ты знал, как ты нам помог, сынок! Большое тебе спасибо. Я, вероятно, скоро приеду. И, знаешь, если ты не против, я заберу тебя из мастерской, и мы будем жить вместе. Хочешь?

А пока что передаю тебе небольшой новогодний гостинец.

Целую тебя крепко.

Тарас Иванович».

В посылке были яблоки, конфеты, печенье.

Пашка читал и перечитывал письмо Тараса Ивановича. И каждый раз замирал от радостного волнения...

Незаметно улица опустела. Наступила тишина. Даже танцы наверху прекратились. Прошёл городской. * Точно сырая капуста на зубах, захрустел снег под его огромными сапогами. И снова всё стало тихо.

Качался под ветром фонарь на столбе, и по улице метались кривые, уродливые тени. Иногда полоска света падала на забытую вывеску, и тогда серебристым от инея светом отливались слова: «Книжный магазин Т. И. Самоненко»...

Долго сидел Пашка на холодном подоконнике, закутавшись в рваный тулупчик. Не чувствуя холода, он думал о той светлой и радостной жизни, которую обещал ему Тарас Иванович. И он верил, что всё это сбудется, верил в своё счастье, словно видел его наяву...

В полночь, уже сквозь сон, Пашка услышал, как на Софийском соборе гулко прозвучал колокол, и сразу же над Киевом полился торжественный новогодний перезвон.

Наступил 1917 год.

Перевёл с украинского
Д. РУЖИНСКИЙ

* Полицейский.

ПЕРВЫЕ рассказы ленинградского писателя Георгия Анатольевича Никулина были напечатаны в 1939 году на страницах газеты «Ленинские искры» и в журнале «Ностёр».

Большой жизненный опыт писателя помог ему создать такие интересные книги, как «Перемёт дяди Василия» и «Рассказы старшины флота».

В будущем году Детгиз выпускает новую книгу Георгия Анатольевича — «Приключения Петьки Зулина». Герой повести — маленький сибиряк Петя Зулин — живёт в годы империалистической, затем гражданской войны. Жизнь рано заставляет его почувствовать себя взрослым и принять на себя заботы о существовании семьи. Познав тяжёлый, безрадостный труд на хозяина, соприкасаясь с кровавым режимом белогвардейцев и интервентов, он делает всё, что в его силах, чтобы помочь большевикам в установлении советской власти. Мы печатаем отрывок из этой книги.

Георгий Никулин

Рисунки П. Вискова

На заводе Полканова

ОДНАЖДЫ домохозяйин остановил мать на дворе. Он поклонился, приподняв круглую соломенную шляпу, и, приглаживая намазанные фиксагуром усики, заговорил:

— Как ваш муж? Есть известия о нём? Он по-прежнему в армии?

— Нет известий, — ответила мать. — Жив ли он...

— Ну что вы! Он вернётся героем. Да, война — это дело доблести и чести! Война требует жертв, и мы все должны... в защиту царя и церкви от варварства и испепеления нашего достоинства...

Мать молчала.

— Простите за беспокойство, мадам, мне не совсем удобно напоминать, но прошло двадцатое число и пора... деньги за квартиру, ибо расходы по дому... сами понимаете...

— Денег у меня нет, — тихо ответила мать. — Я прошу вас подождать немного. Может быть, шубу продам.

— Ну, день-два я, конечно, подожду. Между прочим, вы хотели своего сына опре-

делить к какому-нибудь ремеслу. Это очень хорошо: помогать родителям — стремление всех благородных детей. По крайней мере, мальчик не избалуется и не будет хулиганить. Я, знаете, ничем не могу пожаловаться на вашего сына, и я мог бы рекомендовать его своему знакомому предпринимателю, если хотите.

— Ой! Большое спасибо! — воскликнула мать. — Только бы не искалечился он, не надорвался, — добавила она с опаской.

— Ну что вы! Там дело чистое: мой знакомый на своём заводе производит мыло. Знаете, хорошее мыло, рекомендую — со штампом «Полканов». Мыло вещь облагораживающая. Чего тут может быть грязного и опасного? Хотите, я напишу Полканову записку. Он вас любезно примет. А деньги вы уж постарайтесь принести.

На другой день Петька вместе с матерью пришёл по адресу, написанному острым, колючим почерком. Ещё раз взглянув на записку, мать остановилась около крыльца флигеля. Двери в сени были распахнуты, в глубине виднелись двери кладовки, тоже открытые. Направо была открыта дверь в дом, никого не было видно, но во всём чувствовалась настороженная тишина.

— Есть ли кто дома? — громко спросила мать.

Сейчас же из тёмной кладовки, как из норы, выскочила женщина, босая, с подоткнутым подолом и юркая, как мышь. Она выгнула зобатую шею, подняла стёртое лицо, повернув голову

набок, и неожиданным басом спросила:

— Вам кого?

— Мне господина Полканова, Илью Фроловича. Я к нему с запиской...

— Они отдыхают. Давайте сюда. Я его дочь и передам ему. Если что важное, господин Полканов выйдут.

Мать молча протянула записку, тётка взяла её и, подозрительно оглядев Петьку, пошла в дом, шлёпая босыми ногами по крашеным половицам. По пути она осмотрела сени: не лежит ли тут какая-либо ценная вещь, и, подхватив ведро, стоящее у порога, ушла и долго не появлялась.

«Ух, какая крыса!» — подумал Петька, понимая опасения тётки.

Ему стало жаль, что мать из-за него должна, как нищая, стоять у чужого крыльца. Он неожиданно для себя взял её за локоть и прижался к нему. Мать, ни слова не говоря, погладила его по щеке.

Петька огляделся. Передняя стена флигеля завалилась назад, а заборы по правой и левой стороне двора качнулись к соседям, и казалось, что постройки, узнав что-то нехорошее о хозяине, отшатнулись друг от друга. Только небо над двором было такое же, как всюду: в сияющей голубизне ласточки носились с полным безразличием ко всему происходящему на земле.

— Подождите, сейчас господин Полканов придут, — сказала его дочь, наконец показавшись из дому. Она за это время «при-

хорашивалась»: в волосы воткнула гребёнку и спустила подоткнутую юбку, которая теперь доставала до шлёпанцев, надетых на босую ногу.

Скрипнули половицы, и в сени вылез большой, лохматый человек. Волосы его были всклокочены и свалены на одну сторону, в бороду вплелось куриное перо, а на щеке от подушки выдавился кружевной узор. Он был бос, в измятых брюках, в жилетке и не потрудился даже застегнуть рубаху на волосатой груди.

— Здравствуйте, — сказала мать, и Петька, как эхо, повторил за нею негромко — «драстуйте».

— Ну, это, значит, вы с запиской. Этот и есть мальчишка-то? Ну-ка, повернись! — сказал хозяин, не считая нужным ответить на приветствие.

Петька повернулся боком, потом спиной. Да так нарочно и остался стоять, слушая разговор матери с Полкановым.

— Годов пятнадцать, пишут вот тут. — Полканов потрянул запиской. — Ну, для надзора будем считать... шестнадцать...

— Только тринадцатый ему пошёл. Совсем ещё дитя. Вы уж не ставьте его на тяжёлую работу.

— Гм! Гм! Нешто взять мальчишку, раз хороший человек просит? Пускай поучится. Толку от него, конечно, не будет, самостоятельно работать не может. Только разве послать куда. Насчёт работы вы не сомневайтесь, мыло делаем, как в ап-

теке. Мыло — первый предмет для чистоты.

Мать не имела никакого представления о мыловаренном заводе. Ей представлялись аккуратные кусочки душистого мыла, пирамидкой сложенные на стеклянной полке, за стеклянными дверцами шкафа, и как завёртывают эти кусочки в цветные бумажки. Она была заранее благодарна Полканову и собиралась уходить, стесняясь отнимать время у занятого человека и лишать его отдыха, но Петька тут проявил деловой интерес. Набравшись духу, он повернулся и спросил:

— Дяденька, а сколько платить будете?

— Вот до этого тебе нет ни-

какого дела. Деньги будет по-лучать мать. Да запомни ты: я тебе не дяденька, а Илья Фро-лыч. Так вот, как я тебе сказал, завтра приходи утром в двена-дцатый дом по Шабелькинской улице. Войдёшь во двор через проезд и увидишь на левой руке красную дверь, там спросишь мастера Исаича. А об осталь-ном я его сам упрежу. Посмат-ривай за ним, чего заметишь, — мне скажешь. А кто спросит, сколько лет, говори — шестна-дцать годов. Понял?

НЕ в аптеку вела красная дверь, а в грязный и тёмный подвал: шербатые каменные сту-пени опускались под землю. Как только Петька шагнул через порог, дверь на пружине за ним захлопнулась, и стало темно.

Ощупывая руками скользкую, заплесневелую стену, Петька осторожно спускался со сту-пеньки на ступеньку. Чуть он отклонялся в сторону, — под но-ги попадались гремящие желез-ные банки, вёдра и ещё какая-то дрянь.

В конце лестницы опять ока-залась дверь. Он дёрнул за руч-ку, она не поддавалась: «значит, заперта». Постучал. Никто не откликается. Петька дёрнул изо всех сил. Дверь распахнулась, и в лицо ударил тяжёлый воздух. Сначала пахло душным паром. как из прачечной, потом удуша-ющим смрадом гнили и горелого сала.

В помещении, куда вошёл Петька, никого не было. На по-лу лежали короткие и толстые цилиндры чёрного цвета; в даль-нем конце подвала под пото-

лок поднималась деревянная во-ронка, рядом с нею стояла кир-пичная труба. Во вторую комна-ту, несколько лучше освещён-ную, вела открытая дверь, и бы-ло слышно, что там кто-то ше-велится.

— Кто там? Иди сюда! — крикнул глухим голосом неви-димый человек.

Петька быстро прошёл мимо жарко пылавшей печки и вошёл во вторую комнату.

— А-а! Вот так герой! Как тебя зовут-то?

— Петька.

— Пётр, стало быть. Посиди тут, я сейчас с тобой займусь!

Мастер указал на заляпанный табурет и склонился над столи-ком с прибором для резки мыла. Он что-то чинил и завинчивал гайку. В тишине подвала позвя-кивало железо, в печке треща-ли дрова и гудело пламя. Петь-ка увидел деревянные ступень-ки, ведущие на площадку перед воронкой, и удивлялся — как это не загорится воронка, раз под нею всё время топится печь.

*Жила тётка Людмила,
А мы варили мыло!
Шило, мыло, гвозди!
Позвала нас в гости... —*

запел мастер и, оборвав, спро-сил:

— Так! Работать, говоришь, пришёл? погоди, я тебе быстро пристрою работку. Куда отец твой смотрит? Зачем пустил в адово чистилище?

— Отец в солдатах, — соврал Петька.

— По мобилизации забрали?

— Ага, насильно...

— Гм... в солдатах... Что же мне с тобой делать? Ну, ладно,

парень, вали работай, сколько можешь... Сбежишь ты отсюда скоро.

— Не сбегу: матери деньги надо.

— А мать-то любишь?

— Люблю.

— А за что? — И, не дожидаясь ответа, мастер одобрил:

— Это хорошо! Мать любить надо. Люби мать, она у тебя одна на всю жизнь и другой больше не будет!

Мастер замолчал, будто всё сказал, что надо, и, когда Петька собрался было спросить про деревянную воронку, неожиданно заговорил:

— Работа у нас тяжёлая, мне не под силу. Просил я у Полканова помощника. Мне надо парня, как быка здорового, а он тебя прислал... Как-нибудь, вали работай, сколько сможешь.

Мастер как-то подобрел, хлопнул Петьку по спине и подвёл его к барабану каустической соды — одному из чёрных цилиндров в первой комнате. Рядом с барабаном стояла двухпудовая гиря.

— Пока не открыт, поколоти, да от других-то откати, чтобы ловчее было, — сказал мастер и ушёл к котлу.

Петька волоком оттащил в сторону гирю, с трудом перекатил барабан на два шага и, осматриваясь, стал искать молюток.

— Чем бить? — спросил он, не найдя никакого инструмента.

— Как чем? Гирей бей! — ответил мастер.

Пришлось гирю волочить назад. Расставив ноги, он поднимал двухпудовку до колен и

опускал на барабан. От ударов тонкое железо вминалось, внутри цилиндра что-то хрупало, а Петька мотался вслед за гирей.

Ударил раз, другой, третий. Движения стали напряжённые, и через минуту ему не хватило дыхания. Сделалось жарко. Петька выпрямился и глубоко вздохнул.

— Чего стал! Давай живее, мне надо котёл загружать! — крикнул мастер и подкинул дров в топку. Он помешал в котле, там поднялся треск, и густое зловоние заполнило подвал.

Петька вновь взялся за гирю, напрягаясь, поднял её и ещё раз ударил. Поясницу ломило, слегка дрожали ноги.

Плеснув воды в котёл, мастер подошёл к Петьке, скривил губы в усмешке и спросил:

— Что, устал, что ли? Берика топор в сенях и руби железо поперёк барабана.

— Мутит меня, дяденька.

— Вонь душит, это верно! С непривычки нутро выворачивает и память потерять можно. Ну ладно, мы работаем, так терпим, а люди на квартал кругом за что наказание несут? Раньше салотопни в город не пускали, а теперь не до того.

— А чего это так воняет-то?

— Так сало же топим и выжарки не вынимаем. Это хозяину доход от всякой падали, а нам удушье. Давай-ка, пожалуй, ещё прибавим: вдвоём-то мы с тобой загрузим полную варку, заварим на всю воронку. Ты пока оставь-ка барабан, вот поруби кости да таскай в котёл.

Мастер привёл Петьку в угол, где под рогожей лежала серая

куча. Это оказалась задняя часть лошади, куски шкуры, кишки. Вблизи всё это издавало резкий запах падали, перебивающий даже густую вонь пригоревшего сала.

Никогда ему не приходилось испытывать такого отвращения. Стиснув зубы, он рубил толстые, не поддающиеся его усилиям лошадиные ноги и брезгливо вздрагивал, когда брызги летели ему в лицо.

Петька работал самоотверженно. Раньше он ни за что на свете не согласился бы копаться в падали, но это была работа, другой не найти, и поэтому нужно было терпеть. «Ведь работает же здесь Исаич», — утешал себя Петька, но скоро взмолился:

— Дяденька, можно двери открыть?

— Что ты, что ты! Мы всех людей всполошим и жильцов задушим. Одна нам с тобой вентиляция — через трубу... Терпи, брат, ничего не поделаешь. Вот начнём варить мыло — полегчает. Давай таскай в котёл, что нарубил.

В котёл полетели кости, тряпки, куски мяса, кожа, трябуха — всё это Петька подбирал с полу лопатой. Напоследок он принёс копыто и задумался.

— Чего смотришь? — окликнул его мастер. — Бросай в котёл, всё каустик переработает.

— И подкову? — спросил Петька.

— М-да, нет, подкову не возьмёт. А хорошо бы для веса.

— Дяденька, я не знал, что на мыло всякая падаль идёт.

— То-то, милый, добра тако-

го немало перерабатываем. Наш товар ночью привозят, чтобы перед народом не было зазорно. Ну, а раз попало в подвал, то тут что хочешь уйдёт.

Мастер закурил, посмотрел на притихшего Петьку и строго сказал:

— Ну, ладно прохладиться, давай барабан руби да соду складывай вон в тот бачок.

Петька срубил крышку с барабана, и на пол посыпались белые крошки. Выковыряв топором несколько крупных кусков, Петька перенёс их в бачок и, отковыряв следующую порцию, остановился с глыбой в руках и спросил:

— Много ли класть?

Мастер обернулся и сердито затопал ногами:

— Ты что, ошалел! Тебе кто велел хватать соду руками? Тебе пальцы отъест! Бросай сейчас же! Кость переедает, а ты хватаешь!

Петька выронил каустик и испуганно смотрел на пальцы.

— Натирай салом! — велел

мастер. И пока Петька послушно натирал руки, соскабливал сало и снова натирал, мастер учил:

— Никогда наперёд не суйся без спросу ни в какие дела. Долго ли до беды! А потом отвечай

за тебя... не перед законом, так перед совестью.

Исаич убавил огонь в топке и налил в котёл раствор из бачка. Началась варка мыла, и воздух постепенно стал очищаться. Правда, этого Петька не замечал. Он в изнеможении опустился на пол и закрыл глаза. Но скоро мастер растолкал его и заставил мешать в котле. Как потом разливали мыло, — Петька забыл. Туманом был застлан весь конец дня, только запомнилась тяжёлая форма с мыльной плавкой, придавившая ему пальцы.

— Ну, пойдём, я тебе калач куплю, — сказал Исаич, когда они вечером вышли из подвала. — Ты сла́вный, оказывается, парень, надо тебя побаловать. Ведь целый день ничего не ел?

— Не ел, — тихо ответил Петька. Он шёл рядом с мастером, шатаясь, как пьяный, изредка натёкался на Исаича и тогда широко открывал глаза и старался держаться прямо.

Базар закрывался; он был почти пуст, и мастер издали показал румяную торговку.

— Запомни её, это — тётка Людмила.

— Дай-ка нам хороший калачик, — сказал Исаич, когда они подошли к столу, за которым, наваясь на доски грудью, стояла торговка.

Порывшись в корзине, покрытой тряпкой, тётка Людмила протянула Исаичу огромный пшеничный калач.

— Ему дай, — сказал Исаич. — Это наш мальчик, со мной работает. Петя, благодари тётку Людмилу. Смотри, запомни её. Гляди, какая она красивая!

От слов мастера тётка Людмила всколыхнулась, будто кто её ущипнул за бок, игриво засмеялась и, довольная, расплылась в багряной улыбке. Исаич остался, а Петька поплёлся домой.

Нос его начал очищаться от смрадной копоти, и, несколько раз чихнув, Петька заметил, как он весь пропитался отвратительным запахом мыловарки. Идти домой в таком виде казалось невымыслимым, и Петька свернул к реке.

Положив калач на камни, он разделся донага и долго тёр руки песком и мылом, кусочек которого дал ему Исаич. Как бы оно ни было сварено, — мыло давало белую пену, и первоначальная брезгливость к нему у

Петьки исчезла. Тщательно умывшись, он вытряс одежду и даже постирал рубашку. Потом опять умылся, прополоскал рот и после глотка воды страшно захотел есть. Ещё голый, сидя у воды, он съел половину калача, а другую оставил матери.

После купания усталость почти прошла, и Петька довольно весело поздоровался с матерью.

Сидя за столом, он продал всё, что ему подставляла мать, и, не замечая того, съел и свой и её обед и почувствовал себя сытым только после третьей кружки чая.

— Не тяжело тебе там работать? — спросила мать, внимательно глядя на него.

— Ну, чего там! Работа как работа, — сказал Петька, невольно подражая голосу Исаича.

— Что ты там делаешь?

— Сегодня только в котле мешал палкой. Обыкновенный котёл, — соврал Петька, стараясь избежать расспросов.

На следующий день работа повторилась, как раньше, только не нужно было бить гирей по барабану с содой, которой хватило на много варок.

Исаич начал приучать Петьку к делу.

— Вот, гляди, — говорил он, поднимая лопатку над котлом, — это есть мыльный клей.

С лопатки в котёл падали капли, потом потянулась длинная струя. Лизнув её языком, Исаич добавил: — Даёт укол! Значит, много свободной соды. Будем варить ещё. Ты встань сюда и помешивай. Нет-нет да и поглядывай на лопатку. Если начнёт

это, значит, варево паутиной тянётся, — тогда кричи меня.

Мастер вернулся с ведром воды, вылил её в котёл и подмигнул Петьке:

— Хе-хе! Это для равновесия в хозяйском глазе!

Ничего не понимая, Петька взобрался на плиту к деревянной воронке, встал на скамейку и, поднимаясь на носки, принялся помешивать в котле, стараясь достать мешалкой до чугунного дна. Он глядел, как там переливалось кипящее варево молочного и жёлтого цвета, как будто в котёл влили чай, кофе и молоко, и всё это кипит, клокочет, вьётся отдельными струями и никак не смешивается.

Исаич прилёг на стол для резки мыла, в горле у него заклокотало, как в котле, и он храпел до тех пор, пока Петька не разбудил его: мыло, стекая с лопатки, стало вытягиваться нитями. Исаич потянулся, зевнул и сказал Петьке:

— Я тут один управлюсь, а ты вот что — забирай брус мыла да неси его к тётке Людмиле. Она тебе даст денег и калачей, купишь молока, и мы с тобой пообедаем.

«Может, он шутит», — подумал Петька и недоверчиво посмотрел на мастера. Воровать было стыдно, а не слушаться мастера вроде страшно. Он, мучительно краснея, пытался отговорить Исаича:

— Дядя Исаич, а вдруг хозяин встретится?

— А ты не бойся! Я такой же хозяин. Он вони сторонится и в это время его сюда не дозо-

вёшься. Он к ночи только придёт.

Обедали в другой комнате. Тут было почище и не так воняло. Затворив двери в варочную, Исаич распахнул форточку.

— В нашем деле беспрерывно надо молоко пить, а иначе сдохнешь: чахотка — и четыре крышки! — сказал он. — Ты после работы бери мыла. На базаре продашь — деньги будут. Всё равно Полканов тебе жалованья не заплатит, а заплатит, так на два калача. За мыло-то уж наверняка удержит столько, сколько и не перетаскать тебе.

— Да, а вдруг заметит?! Не буду брать. Кабы хозяин дал, тогда другое дело.

— Что тебе! Кто тебе хозяин? Я хозяин! — закричал Исаич и, оттопырив губу, передразнивал: — «Хозяин, хозяин!». Он только котёл купил да сала достал на первую варку, а я жизнь на это дело кладу, кровь моя тут вянет. Он только деньги получает, а я всем делом верчу. Видал ты его когда-нибудь на работе? А мы одинаковые в паях.

Исаич растёр по штанам расплёсканное на колени молоко и, немного успокоясь, продолжал:

— Ты не сомневайся в этом деле. Я хозяина не боюсь и себя работником не считаю, я фактически с ним в компании. Только он барыши получает, а я нет. Я работаю, а он нет. А кто из нас честнее — мы посмотрим! Он велит для весу воды лить, а я не лью, потому что хуже мыло бывает. И если по его воле всему быть, так народу он продаст один кисель — мошен-

ницкое мыло. Он у народа ворует, у матери твоей крадёт, в мыло пакость добавляет, а я не даю... Тебе он велел за мной доглядывать? — спросил мастер, неожиданно прервав речь.

Молчание для Петьки было тягостно, и неловко было оттого, что Исаич так прямо и верно задал вопрос. Покраснев, Петька ответил:

— Велел.

— Ну вот, — вздохнул мастер, — так я и ждал, иначе быть не могло. Ведро воды, брус мыла — это ерунда. Он боится, как бы я целую варку без него на сторону не продал. А случись так, — всё равно: поругается да такой же станет. Нового мастера ему не найти. Кто пойдёт работать в такое адово чистилище? Кому своей жизни не жалко? Знаю я про него много! — кричал Исаич, как хмельной, грозясь кулаком.

Петька уплетал калачи за обе щёки, но твёрдо решил не брать мыла, как бы его ни дарил Исаич. И, чтобы не носить к тётке Людмиле, тут же придумал уловку:

— Тётка Людмила тебе, Исаич, заказывала. Самому велела приходить. Почему, говорит, не ходит...

— Ладно, ужо схожу.

Подобрев, Исаич продолжал говорить о себе:

— На хороших-то производствах мыло мы варили из чистого сала. Разные туалетные мыла бывали, а тут — тьфу! Вот, сударик, и разберись тут, кто прав, кто виноват. Бери мыло. Это всё равно, что у вора ворованное взять... Вот если бы пе-

ред тобою старуха кошелёк с деньгами обронила и ушла бы, и кругом нет никого, — взял бы ты или догнал бы её да отдал?

— Догнал бы...

— Вот верно! А тут другая политика... эксплуататорство... Бери!

Каждый день, возвращаясь с работы, Петька шатался от усталости. От духоты болела голова. Он быстро похудел, начал горбиться и кашлять. Но он был горд: он имел работу. Не всем ребятам повезло так, как Петьке.

Вспомнилось, что близко воскресенье. Исаич ещё вчера сказал, что в субботу Полканов заплатит деньги, и мысль о том, что он принесёт матери получку, радовала его.

«Интересно, сколько я заработал?» — думал Петька.

В субботу Полканов вообще не заехал на завод, и Исаич сказал:

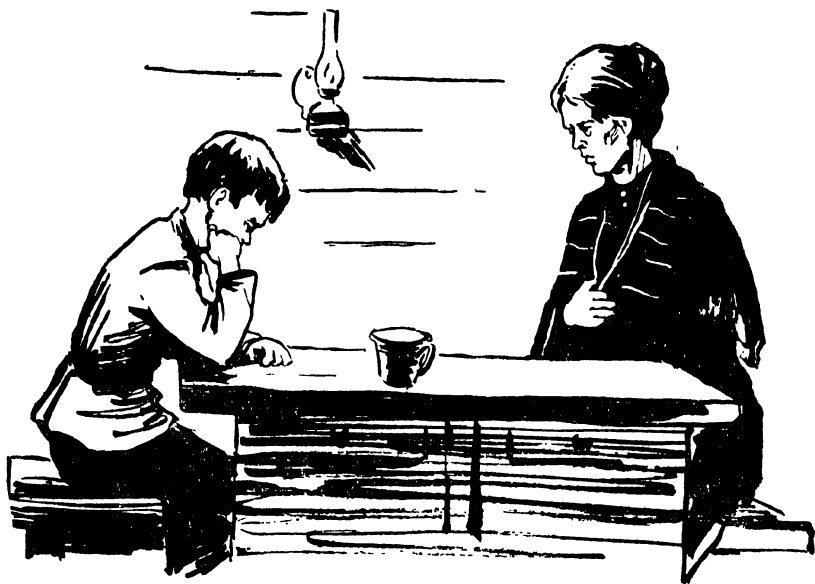
— Ну, я к нему, тово, вечером зайду и о тебе напомним, а ты в воскресенье зайди.

Петька хмурый пришёл домой и матери сказал за столом:

— Хозяин сегодня денег не дал. Я к нему завтра схожу за получкой.

— Ах, Петя, он же говорил, что тебе денег выдавать не будет. Придётся мне самой сходить, — сказала мать.

Но всё-таки ни Петька, ни мать денег не получили. Когда мать, по-праздничному одетая, вышла во двор, направляясь к Полканову, ей встретился домохозяин. Радужнее прежнего он улыбнулся и опять приподнял круглую соломенную шля-

пу, поклонился и, поглаживая усики, заговорил:

— Здравствуйте. Далеко ли вы направились?

— Я к Илье Фроловичу за деньгами. Мой сын, спасибо вам, работает у него, так надо получить, — с гордостью ответила мать.

— Да, совершенно верно! — воскликнул хозяин. — Ваш сын заработал несколько рублей. Я вчера был в гостях у Ильи Фролыча. Он очень хорошо отзывался о вашем сыне. Мы выпили за юного мыловара...

— Ну, вы меня извините, я пойду, — сказала мать и подумала: «Стол придётся всё же продать, раз такой маленький заработок».

— Да нет, вы не ходите, те деньги Ильи Фролыч передал мне, и я, с вашего разрешения, задержу их у себя в погашение долга за квартиру.

— Ну что ж, — тихо и смущённо ответила мать. Незачем было идти к Полканову, и она вернулась домой. Они с Петькой долго сидели за пустым столом и молчали.

Подарок Ильича

(Рассказ Н. ДОЖДИКОВА)

В 1917 году, в канун Великой Октябрьской социалистической революции, я служил на военной радиостанции в Царском Селе (теперь город Пушкин). Радиостанция была мощная по тем временам, хотя работала, конечно, не так, как нынешние.

Когда мы передавали в эфир сигналы Морзе, то шум стоял такой, что во всём Павловском парке было слышно. А на Пулковской обсерватории астрономы один раз даже приняли вспышки нашего искрового передатчика за какое-то небесное сияние... Вот такая была станция!

Принимали мы сводки с фронтов мировой войны, разные сообщения из Франции, Англии, Италии. Сводки аккуратно доставляли в Петроград, в Генеральный штаб Временного правительства, — тогда оно было у власти.

Вдруг 25 октября узнаём: в Петрограде — революция, взят Зимний. В этот день я отсутствовал ключом в эфир: «Товарищи трудящиеся! Берите власть в свои руки! Вся власть Советам!»

Наш станционный комитет мне поручил:

— Отправляйся, Дождиков, в Петроград, к большевикам, узнай, что и как.

Взял я пакет со сводками и поехал. В Смольном меня провели к Ленину. Владимир Ильич просмотрел сводки, поблагодарил и сказал:

— Пожалуйста, доставляйте сюда каждый день свежие вести из-за границы!

Потом он протянул мне лист бумаги:

— А это нужно сегодня же передать в эфир.

На листе было напечатано воззвание «К гражданам России».

С тех пор я стал каждый день привозить в Смольный сводки и телеграммы. А с Царскосельской станции мы передали по радио текст Декрета о мире, Декрета о земле и других документов и воззваний.

Это было трудное для России время, и я видел, как напряжённо работал Ильич, какие тяжкие заботы его одолевали. Но он всегда оставался заботливым, сердечным и внимательным к людям.

Один раз, помню, кладу на его стол папку с телеграммами. Вдруг Владимир Ильич спрашивает:

— А что это, Николай Романович, у вас руки такие красные?

— Да вот, — говорю, — озябли. Я в сутолоке где-то рукавицы потерял.

Позвал Ленин Надежду Константиновну, и она мне принесла кожаные, на байке, перчатки. Самого Владимира Ильича перчатки. Я отказывался, но они в один голос:

— Берите, берите, не годится же зимой без рукавиц ходить.

Рис. А. МАРТЫНОВА

Пришлось взять. Долго я потом берёг перчатки. Матери отдал, та уже и сносила их.

Другой подарок Владимира Ильича я храню до сих пор. Дело было так.

Ленину принесли старинную курительную трубку, которую нашли в одной комнате Смольного. Когда я пришёл в кабинет к Ленину, он и Надежда Константиновна как раз разглядывали эту диковину и недоумевали, что с ней делать. Трубка была очень длинная, хорошей

работы, видно, принадлежала раньше какому-то знатоку.

— А, вот кому пригодится трубка! — сказал Владимир Ильич. — Ведь вы курите, товарищ?

Подарил мне её Ленин со словами:

— Сам я не курю и вам не советую. Но вам она всё-таки нужнее, чем мне. Берите на память о Смольном.

Этот подарок Ильича я сохранил на всю жизнь. Он напоминает мне, какой простой, внимательный и приветливый человек был Ленин.

Слепой

Не видел Ленина ни разу.
А как о том мечтал давно!
Но ослеплёнными глазами
Смотреть на мир

не суждено.

И вот пришла минута эта.
На нашей выставке

большой

Стоял француз в потоке
света,

Ощупывая бюст рукой.

И вдруг сказал:

«Товарищ Ленин!..»

И продолжать уже не мог,

Хотя для этого мгновенья

В душе немало слов берёг.

И пусть на выставке

советской

Рабочий день уже к концу,

Слепой француз рыдал

по-детски,

Размазав слёзы по лицу.

То подходя к вождю

поближе,

То отходя назад чуть-чуть,

Он говорил друзьям:

«Я вижу

Того, кто указал нам путь».

Миша КАЛЕДИН

7-г класс, 281-я школа

Рис. Ю. ЛАВРУХИНА

И л ь и ч

Каждый день, когда приходим в класс,
Ты всегда, Ильич, встречаешь нас.

Чуть сощурившись, глаза твои глядят
С ласковой заботой на ребят.

За тобой великий наш народ

В коммунизм уверенно идёт.

Алла ЗАЙЦЕВА

6-г класс, 182-я школа

Р О Д И Н А

Слова П. Кобракова

Музыка И. Розенфельда

Не спеша. Выразительно

То верёзкою по-кло-нит-ся, то рекою проху.

мил. Кра со той полей за. помнится, пес-нею язве-се.

Величественно.

лит в и цве-ту-шая и снежная, бро-ви сдвинет-не у-несёт во все кра-

гроз-ных битвах о-па-лённая, свет

нять я... Тру бойди пути безбрежные, луч-ше в мире не сы-

до-ва-я, непреклонная, славь-ся, Родина, мо-

ска-ть я! Луч-ше в мире не сыскать Славься, русская зем-ля! Луч-ше в мире не сы-

Всё в ней лю-бо — бо
 ска-ть. Всё в ней лю-бо, все в ней нра-вит-ся. не най-ти её ще-д-рей.
 ре-й. Да-ле-ко От-чиз-на сла-вится, све-тлой пра-вдою сво-ей
 Слав-ся, рус-ская зем-ля!

То берёзкою поклонится,
 То рекою про шумит.
 Красотой полей запомнится,
 Песнею развеселит.

И цветущая, и снежная,
 Брови сдвинет — не унять.
 Обойди пути безбрежные,
 Лучше в мире не сыскать.

Всё в ней любо,
 Всё в ней нравится.
 Не найти её щедрей.
 Далеко Отчизна славится
 Светлой правдою своей.

В грозных битвах опалённая,
 Свет несёт во все края...
 Трудовая, непреклонная,
 Славься, Родина моя!
 Славься, русская земля!

Ворота в океан

ПЕРВОЕ, что хочется, наверное, каждому, кто попал в Петропавловск-Камчатский, это скорее выйти на взморье, увидеть, как Великий океан встречается с нашей землёй. Вот куда простирается от берегов туманной Балтики страна русская! Кто изведал многодневный путь от западных советских границ до камчатских ворот в просторы Тихого океана, того уже никогда не покинет гордое сознание величия Родины.

Мы спустились к морю в час отлива. Чист и прозрачен прохладный воздух. Под ногами шуршит галька. Впереди — океан. Волны, синие кони, раз-

брызгивая белую пену, скачут из необъятных далей, чтобы коснуться каменистого берега звонкими губами. Они оставляют на чёрном крупном песке трепещущих рыбёшек, зелёные ленты водорослей, витые ракушки, бамбуковые палки с Курильских островов. И уже тихо, устало откатываются назад.

Прошли сотни лет с тех пор, как первый русский человек встал на этом берегу. Он любился вечной игрой океана, слушал говор прибоя, а смелое воображение его рисовало картины будущего: корабли, плывущие сюда по бурным волнам, города, растущие на пустынных берегах...

Снаряжённая Петром Первым экспедиция Витуса Беринга направлялась на север, чтобы разведать морской путь между Азией и Америкой. Но, огибая поздней осенью южную оконечность Камчатки, корабли зашли в просторную гавань, и путешественники по достоинству оценили её. Тут было тихо, блеснула недоступная бурным ветрам водная гладь. Берег оказался удобным для стоянки множества кораблей.

— Здесь будет порт, крепость России на Тихом океане, — предсказал тогда Витус Беринг. Он и положил начало основанию порта. Участники экспедиции построили на берегу гавани — Авачинской губы — несколько домов. По имени первых пришедших сюда судов «Святой Пётр» и «Святой Павел» поселение называли Петропавловск.

Это было 200 лет назад. Петропавловск стал базой освоения Камчатки.

Чтобы представить себе Петропавловск сегодняшний, хорошо оглядеть его с моря, из бухты.

Наш пароход пришёл в гавань вечером, минуя десятки судов, стоявших у пирсов. Величественный вид открывается отсюда. Там, где две сотни лет назад вспыхнул первый костёр русских путешественников, сейчас сверкают десятки тысяч электрических огней. Они трепещущими отблесками впились в воду и волнистыми рядами поднимаются высоко вверх по склонам прибрежных сопок. Город растянулся на много километров

по крутым горам. Над бухтой и берегом плывёт музыка с голубого корабля-рефрижератора, прибывшего сюда за свежим лососем. В порту разгружается массивный океанский пароход. У одного из причалов толпится шумная молодёжь: это новосёлы с комсомольскими путёвками из Москвы, Белоруссии и Прибалтики отправляются на один из рыбокомбинатов.

Много дорог скрещивается в этом порту. Здесь завершается Великий Северный морской путь, проложенный советскими людьми. В незамерзающую круглый год гавань ежедневно приходят суда из Владивостока, с Чукотки, Курил, из-за океана.

Мы прошли по городу с местным старожилом. Он показал редкие покосившиеся домики, которые застал тут три десятилетия назад. Всё остальное построено после: красивые каменные дома в центре города, посёлок Индустриальный, рыбопромышленный техникум, педагогическое, мореходное, медицинское и ремесленное училища, школы. Город бурно вырос за годы советских пятилеток и продолжает расти всё быстрее.

Средняя температура воздуха в Петропавловске-Камчатском зимой 9—10 градусов мороза, летом 13—15 градусов тепла. А в долине реки Камчатки, защищённой высокими горами от холодных ветров, солнце припекает так же, как в средней полосе России.

В июне, когда на западном побережье полуострова ещё ле-

жат сугробы снега, в Камчатской долине цветёт черемуха.

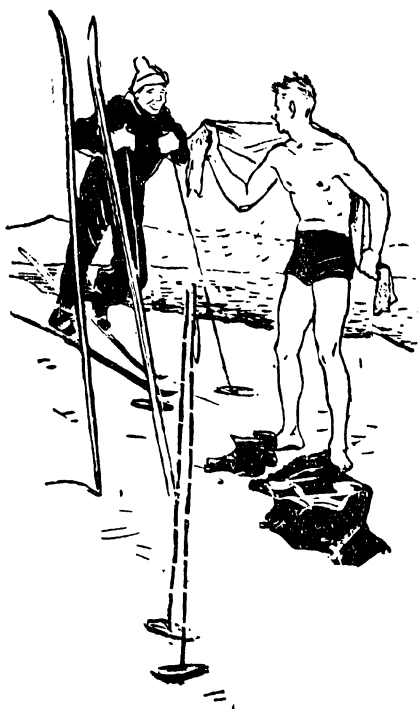
Плодородны здесь почвы. В Дальневосточном павильоне Всесоюзной сельскохозяйственной выставки из года в год обновляются стенды передового в Камчатской долине Елизовского совхоза. Здесь собирают по 600—700 центнеров капусты с гектара, получают высокий урожай картофеля. Занялись камчадалы и садоводством. Особенно хорош сад у жителя посёлка Ключи мичуринца Василия Ивановича Шевченко. Он вырастил акацию, малину, вишню, яблони северных сортов.

Камчатка — во многом необычайный край. Это — страна вулканов. Здесь 129 вулканов, из них 20 действующих. Непрерывно гудит, дымит, пылает по ночам Ключевская сопка. На протяжении последних десятилетий

не раз выбрасывали огонь, тучи пепла и потоки лавы вулканы Шивелуч, Авачинский, сопка Безымянная. Но, надо сказать, эта мощно бушующая и грозная на вид стихия не приносит ущерба жителям. Населённые пункты полуострова расположены далеко от огнедышащих гор, да и сами камчатские вулканы рекомендовали себя относительно «мирными». Важнее для людей другое: знают камчадалы удивительные блага природы, животворную силу огня, рвущегося из недр.

Много интересных мест на Камчатке. Это — озеро, образовавшееся в кратере старого, разрушенного извержением вулкана. Оно находится на высоте 360 метров над уровнем моря. В окружающем озеро кольце из восьми вулканов сверкает, как изумруд, высочайшая Кропоткая сопка, увенчанная поблёскивающим на солнце ледником. А рядом с этой ледяной громадой, но на тысячи метров ниже, бушует горячая стихия. Здесь, прорывая скалистые стены, течёт в океан река Шумная. Долина её производит ошеломляющее впечатление. Из красных глинистых берегов бьют десятки гейзеров — горячих фонтанов. Вода вырывается вверх толчками, с паром и брызгами, с шипением и свистом, а иногда с громоподобным грохотом. Столбы кипятка и пара поднимаются на высоту от нескольких сантиметров до 50 метров.

— Это — единственная в СССР долина гейзеров, где сейчас ведутся важные научные исследования. В других местах

полуострова вы встретите множество горячих озёр, родников, водопадов. Зимой среди покрытой снегом тундры путник остаётся на берегу пышущего паром озера, скидывает лыжи, меховую одежду и погружается в горячую воду. Это — не простое купанье. Горячие источники Камчатки целебны.

Вблизи горячих источников рано весной оттаивает земля и появляется необыкновенно пышная зелень, привлекающая массу зверей и птиц.

На остывших участках вулканической почвы растут живописные берёзовые рощи и обильные травы необыкновенной высоты — до 4,5 метров. Здесь бродят огромные камчатские медведи. В берёзовых лесах много ценного пушного зверя: соболя, лисицы, горноста, белки, зайцев.

Но самая интересная перспектива использования природных благ вулканической зоны открылась недавно, когда на Камчатке побывала группа московских энергетиков. Возникла мысль: построить тепловые электростанции, источниками энергии для которых будет жар естественных подземных вулканических «котлов». На полуострове есть горячие источники с температурой 120 градусов при выходе на поверхность. А если пробурить скважину в несколько сот метров, из-под земли вырвется пар с температурой ещё более высокой. Он и будет вращать турбины.

Теперь уже разработан и утверждён проект первой такой электростанции. Она будет построена в этой семилетке и даст дешёвый ток рыбопромышленным предприятиям.

Камчатку называют рыбным цехом страны. Здесь действуют крупнейшие в стране рыбокомбинаты, множество рыбных и консервных заводов. За семилетку здесь намечено удвоить добычу рыбы и почти втрое увеличить выпуск консервов.

Будут построены новые заводы и посёлки рыбаков, новые предприятия бытового обслуживания населения и культурные очаги. Для этого страна посылает сейчас на Камчатку отряды молодых патриотов. Их ждут большие дела и интересная, полная ярких впечатлений жизнь в краю чудесной природы на берегу Великого океана.

Покоряющий Космос корабль

*(Рассказывает декан факультета автоматики Ленинградского института авиаприборостроения кандидат технических наук
А. В. ПОВАЛЯЕВ)*

РАКЕТЫ-«ШУТИХИ»

С ТЕРРИТОРИИ нашей Родины стартовали три космические ракеты — в сторону Луны, на Луну, в облёт Луны.

Мы гордимся, что Советский Союз первый в истории человечества построил межпланетные корабли, которые начали покорять космическое пространство.

Первый в истории...

А в истории ракеты известны давно. Они появились много веков назад, вскоре после изобретения пороха. Вначале они применялись в качестве увеселительного устройства. Но не всегда лишь для этой цели.

В конце XVIII века индийский народ использовал простейшие ракеты как оружие в борьбе с английскими колонизаторами.

Индийцы называли ракеты «огненными стрелами».

Вспомним времена Петра I. Все победы русской армии отмечались грандиозными праздниками. В небо взлетали увеселительные ракеты-«шутихи» — картонные трубки, наполненные порохом. Его поджигали фитилём. В порох подмешивали различные химические вещества, которые окрашивали огонь в различные цвета.

Тогда же была изобретена сигнальная ракета, поднимавшаяся на высоту до одного километра...

Европа и Америка заимствовали у нас «константиновскую» ракету.

Русский учёный-артиллерист Константин Иванович Константинов в 40-х годах прошлого века создал боевые ракеты. Они запускались со станка, летели на четыре километра и неплохо попадали в цель.

Константинов построил также спасательную ракету для

подачи с берега спасательных канатов на терпящие бедствие корабли.

Скоро «константиновские» ракеты были забыты.

Но учёных ракета продолжала интересовать.

Великий русский учёный Константин Эдуардович Циолковский пророчески сказал, что ракета — это тот корабль, на котором человек отправится в смелые и романтические путешествия на другие планеты.

«КАЛУЖСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ»

МОЖНО сказать: путь к планетам лежит через старинный тихий русский городок Калугу, где жил и работал великий учёный и великий мечтатель К. Э. Циолковский.

Он родился в сентябре 1857 года в бывшей Рязанской губернии в скромной семье лесничего.

Мальчик очень любил окружающую природу. Он поражал взрослых своей пытливостью и страстью к изобретениям. Сам делал себе игрушки, да такие, которых не было на полках магазинов. Смастерил, например, модель парового автомобиля, бумажный аэростат.

Будучи ребёнком, Циолковский перенёс тяжёлую болезнь и на всю жизнь остался глухим. Поэтому он не мог, как его сверстники, учиться в школе. Он провёл несколько лет в Москве, самозабвенно изучая книги по математике и физике, и только в 21 год сдал экзамены на право быть учителем.

Константина Эдуардовича всё более властно охватывало вле-

чение к далёким загадочным звёздам. Его, смелого мечтателя, увлекла мысль о полёте в космическое пространство. Но как и на чём лететь?

«Долго на ракету я смотрел, как и все: с точки зрения увеселений и маленьких применений, — вспоминал Циолковский в 1926 году. — Не помню хорошо, как мне пришло в голову сделать вычисления, относящиеся к ракете. Мне кажется, первые семена мысли были заронены известным фантазёром Жюль Верном; он пробудил работу моего мозга в известном направлении... Старый листок с окончательными формулами... помечен датой 25 августа 1898 года».

Итак, книга французского фантаста, которую вы все читали, «Из пушки на Луну», заронила семя догадки в мозгу калужского учителя.

Жюль Верн был писателем, а Циолковский — учёным. Поэтому Константин Эдуардович быстро понял, что по писательскому рецепту — «из пушки на Луну» — не угодишь! Этот путь неосуществим. Если даже построить гигантскую пушку с полым ядром и внутрь ядра поместить людей, то они неминуемо погибнут в момент выстрела. Их расплющит толчок.

Надо искать другой способ. Мысль Циолковского работала неутомимо. Нужен аппарат, набирающий скорость постепенно!

После долгих размышлений учёный пришёл к выводу, что таким аппаратом может быть ракета. Ведь только она способна постепенно увеличивать ско-

рость, только она может двигаться, не опираясь на окружающий воздух, лететь в безвоздушном космическом пространстве.

Поясним это. Для того, чтобы двигаться, надо от чего-то отталкиваться. Колёса автомобиля отталкиваются от земли, лодка при помощи вёсел — от воды, винт самолёта — от воздуха.

Циолковский изготовил резервуар. Он наблюдал, как в нём расширяются при сгорании газообразные продукты.

Газ с одинаковой силой давит на все стенки сосуда. Учёный сделал в сосуде отверстие. Через него стали истекать газы. И что же обнаружилось? Давление на боковые стенки изнутри взаимно уравнивалось. А давление на переднюю стенку, расположенную против отверстия, оставалось неуравновешенным. Газы, стремившиеся увеличить свой объём, давили на переднюю стенку и заставляли её двигаться вперёд со всем сосудом.

Тогда учёный снабдил выходное отверстие особой насадкой — соплом — и увидел, что двигатель заработал ещё лучше.

Так была постигнута тайна знаменитого реактивного принципа. «Реактивный» происходит от латинского слова «реакция», то есть «отдача», «противодействие». Реактивный принцип основан на использовании силы отдачи.

ПОЛЁТ

В ПОЛЁТЕ ракета отталкивается от того вещества, которое она выбрасывает из себя.

Чем больше скорость истечения этого вещества из ракеты, тем с большей скоростью она летит. Для увеличения скорости необходимо также, чтобы этого вещества было выброшено больше.

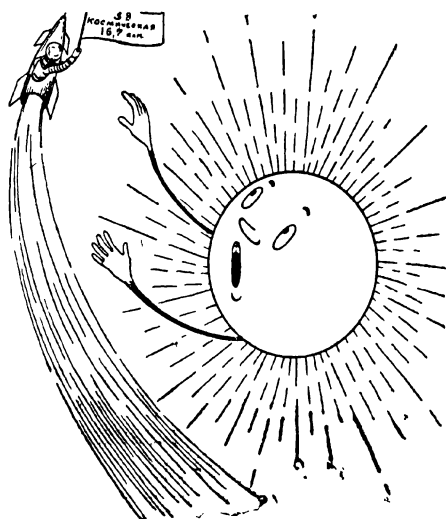
Космическая ракета летит в безвоздушном пространстве, где нет кислорода, необходимого для горения топлива. Поэтому на борту ракеты должен быть кислород или вещество, выделяющее его, — окислитель.

Этим ракетный двигатель отличается от двигателя на самолёте. Там кислород, необходимый для горения топлива, берётся из окружающего воздуха. На ракете и топливо, и кислород должны быть в баках.

ВЫХОД НАЙДЕН

НАПОМНИМ: чем быстрее истекают газы, тем быстрее летит ракета.

А если все известные виды топлива таковы, что не дают возможности получать большие скорости истечения газов?

Чтобы ракета полетела в космическое пространство, она должна развить огромную скорость, во много раз большую скорости самых скоростных реактивных самолётов. Что же делать?

Отбросить извечную мечту людей о полёте в Космос и ждать изобретения новых, совершенных видов топлива? Или найти другой выход получения больших скоростей полёта?

Циолковский гениально просто разрешил и эту задачу. Он предложил делать ракету не одиночную, а составную, многоступенчатую.

Такая составная ракета состоит из нескольких одиночных ракет. Вначале, при подъёме, работает первый, наиболее мощный двигатель, способный поднять в воздух и разогнать до некоторой скорости всю составную ракету.

Но вот топливо в баках первой ступени израсходовано. Пустые баки и двигатель отбрасываются. Начинает действовать двигатель второй ступени. Он менее мощен, чем первый, но может сообщить облегчённой ракете дополнительную скорость.

После того, как выгорит топливо в этой ступени, включается двигатель третьей ступени, а вторую постигает участь первой — она отбрасывается.

Так благодаря нескольким ступеням ракета разгоняется до громадных скоростей.

ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ

ДЛЯ того чтобы попасть на другие планеты, ракета

должна вырваться за пределы земного тяготения.

Учёные подсчитали: если ракета будет иметь скорость 7,9 километра в секунду, то ей не удастся «перейти» границу земного притяжения, и она станет спутником Земли.

Эту скорость называют первой космической.

Первая и вторая советские ракеты, устремившиеся к Луне, обладали второй космической скоростью — 11,2 километра в секунду.

При такой скорости наш межпланетный корабль смог оторваться от поля земного притяжения.

Бросим взгляд в будущее. Человек обязательно создаст ракету, имеющую ещё большую скорость — третью космическую — 16,7 километра в секунду.

При такой скорости даже могучее тяготение Солнца не удержит межпланетный корабль в солнечной системе, и он сможет улететь из неё в другие миры.

Но ведь далёк, очень далёк путь к другим мирам и планетам. Человеку не хватит жизни, чтобы долететь до многих из них. И всё-таки до некоторых звёзд он долетит, потому что...

...ВРЕМЯ МОЖЕТ «РАСТЯГИВАТЬСЯ»

ВЫДАЮЩИЙСЯ учёный Альберт Эйнштейн доказал: с чем большей скоростью движется космическое тело (ракета), тем более заметна разница во времени, протекающем на Земле и на ракете. Время как

бы замедляет свой бег, «растягивается».

Космонавт успеет слетать на далёкую планету, лет через сто с лишним возвратится обратно на Землю, но там он уже застанет своих потомков — внуков своих детей.

Фантастично. Трудно себе это представить. Но это так.

В эпоху космических полётов человек постепенно расстанется со многими «земными» мерками и представлениями, очень многое переосмыслит.

Закон Эйнштейна верен для ракет, летящих со скоростью, близкой к скорости света. А скорость света вы хорошо знаете — 300.000 километров в секунду.

Построят ли такие межпланетные корабли? Обязательно построят.

Ещё в конце прошлого века русский учёный Лебедев доказал, что свет создаёт давление. За счёт давления световых лучей и можно привести в движе-

ние ракету, которая полетит со «световой» скоростью.

ЗАДАЧИ, КОТОРЫЕ ПРЕДСТОИТ РЕШИТЬ

ПРЕЖДЕ чем человек полетит на другую планету, учёным и конструкторам надо решить много различных и сложных задач.

Одна из них — как возвратить ракету обратно на Землю, как сделать, чтобы космический корабль успешно приземлился?

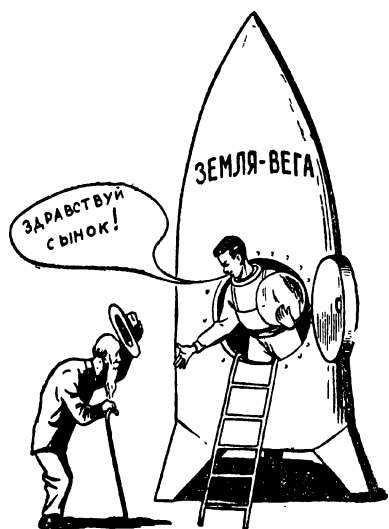
Теоретически допустимы различные способы.

Чтобы возвращающаяся на Землю ракета не сгорела в верхних слоях атмосферы (из-за нагревания от трения), необходимо снизить её скорость. Как? Можно применить различные парашюты, реактивные тормозящие двигатели.

Некоторые учёные высказали мнение, что ракета при посадке должна несколько раз, войдя в плотные слои атмосферы и нагревшись от трения, возвратиться в менее плотные слои для охлаждения и снова затем опускаться — уже при пониженной скорости.

Какой из способов лучше — покажет будущее.

Учёным надо много и терпеливо поработать и создать в ракете такие условия, чтобы астронавт мог перенести большие ускорения, которые возникают при взлёте космического корабля. Эти ускорения как бы придавливают человека к тому месту, где он находится, его вес увеличивается в 4—5 раз.

СТРЕЛЯЕТ КОСМИЧЕСКИЙ ПИСТОЛЕТ

МОЖНО отчётливо представить себе и такое положение. Одна ракета будет спутником Земли. В баках этой ракеты — топливо, которого хватит для полёта к далёкой планете, другая ракета, поднимавшаяся с Земли, подлетит к первой.

Командир корабля уравнивает скорость своей ракеты со скоростью ракеты-спутника. Пассажирам будет дан сигнал: «Переходите, пожалуйста, в ракету-спутник. Не забудьте захватить космические пистолеты».

И космические путешественники, одетые в скафандры, в условиях невесомости «перелетят» из одной ракеты в другую, в которой припасён запас топлива на далёкое путешествие. А как «перелетят»? Пользуясь космическим пистолетом.

Поднимет пассажир пистолет, выстрелит и получит толчок в обратную сторону. Начнёт свободно двигаться ко второй ракете, потому что в пространстве нет воздуха, нет сопротивления.

ПУСТОЛАЗЫ РАЗБИВАЮТ САД

ТРАНЗИТНЫЕ пассажиры смогут отдохнуть в каком-нибудь роскошном космическом саду.

Ещё Циолковский выдвинул идею о том, что можно создать гигантский спутник. Как? Надо запустить примерно в одно и то же место много ракет.

Пустолазы (не верхолазы!) соберут их. Так возникнет в Кос-

мосе гигантский вокзал с оранжереями. Там вечно будет светить солнце. В оранжереях вырастут роскошные гигантские растения, благоухающие и ароматичные.

Отлично можно будет отдохнуть и провести время в космическом саду!

На внеземной станции расположатся многие научные лаборатории для наблюдения за небесными телами, а также за тем, что делается в земной атмосфере. Ведь со стороны виднее!

ЧЕЛОВЕК НИЧЕГО НЕ ВЕСИТ

МЫ говорим: человек полетит в Космос. А не забываем ли мы об опасностях и неприятностях, которые подстерегают его? Нет, не забываем.

Запущенные советские спутники и ракеты отвечают на этот вопрос.

Важно было выяснить, насколько опасно столкновение с космическими телами — метеорами, летящими с громадной скоростью.

Ни один наш спутник не был разрушен в результате столкновения с метеором. Это показывает, что хотя столкновение возможно, но маловероятно.

Теперь вспомним опыт, который вам показывали в школе. К нитке привязывают гайку и быстро её раскручивают. Нитка натягивается. Если она недостаточно прочна, то рвётся, и гайка улетает. Гайку уносит центробежная сила.

Спутники вращаются вокруг Земли. Возникает центробежная сила, стремящаяся отбросить их от Земли. На спутник действует и сила тяжести — притяжение к Земле. Эти две противоположные силы уравнивают друг друга. И в результате спутник ничего не весит.

Если в спутнике находится живое существо, то и оно невесомо.

Собака Лайка, находившаяся на спутнике, в условиях невесомости чувствовала себя хорошо.

Об этом мы знаем по показаниям приборов.

Значит, для космонавта невесомость будет непривычна, но не опасна для жизни.

Надо было также проверить, опасны ли для здоровья человека космические лучи, которыми пронизано мировое пространство.

Эти лучи представляют собой частицы, летящие с громадной скоростью.

До нас, живущих на Земле, они доходят очень ослабленными атмосферой.

* * *

НА глазах рождается новая эпоха — эпоха космических полётов.

Советские ракеты, проложившие путь к Луне, так же отличаются от своих предшественниц, чуть отрывавшихся от поверхности Земли, как сложная машина-автомат от детской игрушки.

В 1917 году, в штормовую ночь Великого революционного Октября, взлетела в небо ракета, подавшая сигнал рабочим и крестьянам к штурму старого мира. И вот спустя сорок два года народ нашей страны, ведомый Коммунистической партией, посылает в Космос ракеты, радиопередатчики которых сигналият о мощи нашей Советской страны, о её великих успехах, о её стремлении к миру!

**Летит,
летит,
ракета!**

Летит, летит ракета!
Маршрут: Земля — Луна.
Советская ракета,
Что нами создана.

Всё дальше, дальше в Космос,
Разведать лунный мир.
А на борту ракеты —
Наш выпел-командир.

Серёжа КОРОЛЕВ
4-б класс, 307-я школа

В. Суслов

А Сингапура нет...

Утром в класс заходит Лёша
Не спеша, неторопливо...
И плывут на Лёше клёши
Шире Финского залива!

Все рубашки — нараспашку!
Под рубашками — тельняшка!
На бушлате якоря
Блещут, золотом горя!

Знает Лёша, что такое
«Фордевинд» и «гикашкот»,
Может спеть про дно морское
И чечётку отобьёт.

Он завяжет у сестрички
В три морских узла косички
И нырнёт к соседям в пруд —
Только трусики мелькнут!

Вот какой он капитан —
Хоть сегодня в океан!

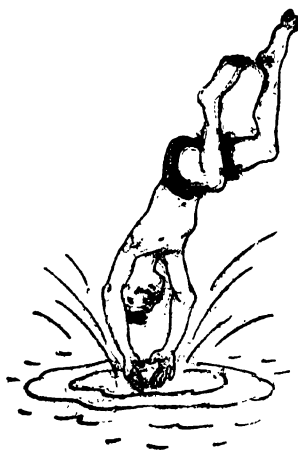
По морям, по белу свету
Он всегда готов в поход.
Он уже уплыл бы летом,
Да подвёл учебный год!..

Вот сиди теперь и слушай
Географии урок...
Эх, засел моряк на суше!
И какой в уроках прок?!

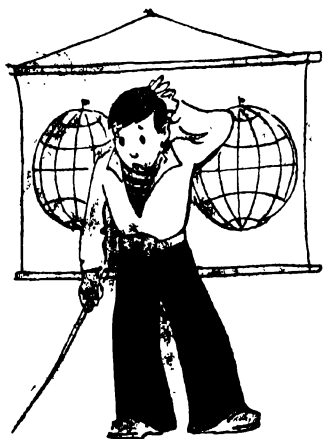
Да ещё его учитель
Вызывает невпопад:
— Ну-ка, Лёша, покажите,
Где на карте Ленинград?

Так... Теперь от Ленинграда
Курс — Индийский океан!
В Сингапур доставить надо
Срочных грузов караван.

Лёша замер:
— Куд-куда?..
В Сингапур?.. Вот это да!..

Рисунки М. БЕЛОМЛИНСКОГО

Ползёт его указка
С Таймыра на Аляску.
С Аляски на Камчатку
Уехал капитан.
Попал на остров Пасхи,
В Великий океан.

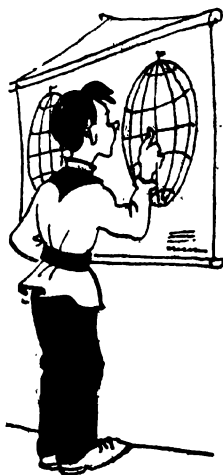
Далёкую Австралию
Исследовал вокруг,
Поплыл куда-то далее,
Глядит... Полярный круг!

От Новой-то Зеландии
До ледяной Гренландии!
Изъездил целый свет!
И в тропиках купался
И к полюсу добрался,
А Сингапура нет!...

Он эскимосу хмуро
Спешит задать вопрос:
— Не видел Сингапура?
Смеётся эскимос:
— Я? Сингапура? Что ты!
Тут север, а не юг.
Совсем не в те широты
Попал ты, юный друг!

Покинув злую выюгу,
Плывёт он напрямик
Всё дальше к югу, к югу!..
Упёрся в материк.

Пингвинам в Антарктиде
Кричит: «Физкульт-привет!

Пожалуйста, скажите:
Тут Сингапура нет?»
Со льдин пингины дружно
Смеются все вокруг:
— Вам плыть на север
нужно,
А в Антарктиде — юг.

Ну, это ж на смех курам!
Везде один ответ:
Как будто Сингапура
И вовсе в мире нет...

Ведь столько есть маршрутов
И прямо и в обход,
А Лёше почему-то
Ну просто не везёт!

Сначала капитана
Решил экватор «взгреть»,
Потом меридианы
В свою поймали сеть.

Муссоны и пассаты
И даже лёгкий бриз
Несли его куда-то
И — здрастье! — унеслись.

Теперь одна дорога:
На тропик Козерога!
В проливе Магеллана,
У Огненной земли,
Корабль капитана
Уселся на мели.

Сигналы сыплет с суши:
— Аврал! Полундра! «Сос»!
Спасите наши души!
В ответ летит вопрос:

— На какой вы параллели?
— Да на этой... там, где
мели...

— Долгота у вас какая?
— Долго я не протяну...
— Сколько градусов?
— Не знаю...

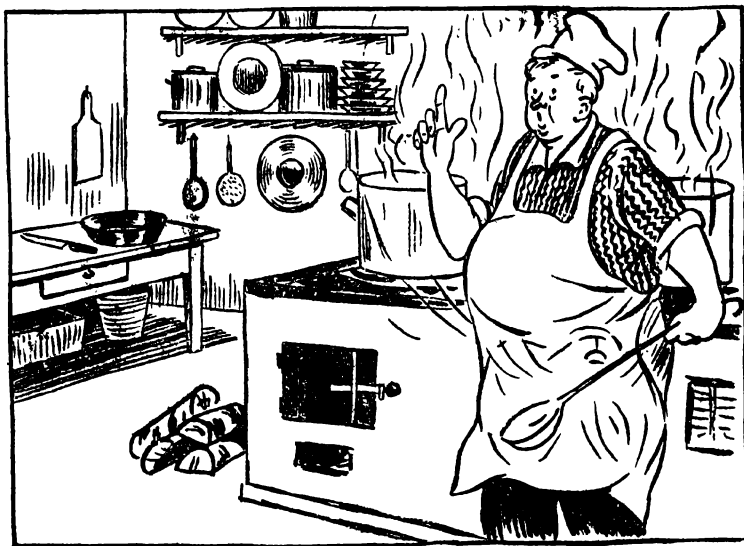
Буль-буль-буль...
Иду ко дну...

С той поры в отряде Лёша
Изменился как-то вдруг.
Перешил лихие клёши —
Получилась пара брюк.

В класс приходит рано-рано,
Смотрит, карты все ли тут?
Но, признаться, «капитаном»
Больше Лёшу не зовут.

Кот и повар

(Загадочная картинка А. Илючека по басне И. А. Крылова)

Есть на рисунке повар, есть плита,
Кастрюли есть... А кто найдёт кота?

Тропой легенды

ПРИКЛЮЧЕНИЙ ХВАТИТ НА ВСЕХ

ВЫСЛАННЫЕ вперёд разведчики нашли сельсовет, к которому уже спешили местные школьники, предупреждённые невидимой эстафетой, следовавшей впереди экспедиции на протяжении всего её маршрута. Под огромными вязами, у самого крыльца управы, москвичи дружно сбросили рюкзаки. Коля прикрепил на вязе вымпел, а Зоя занялась приготовлением обеда. Из толпы выдвинулся рослый парнишка и направился к Сашко.

— Насчёт еды мы тут уже всё решили, — сообщил он. — Сейчас принесут.

Скоро появилось четверо хлопцев с двумя ведрами. В одном был жирный украинский борщ, во втором — пшеничная каша со свиной. Сашко поблагодарил курупчинских пионеров и пригласил всех к «столу».

Не откладывая, Федя стал расспрашивать о людях, которые, возможно, помнят рейд конармейского эскадрона.

— Батько мой кое-что рассказывал, да это было давно, ещё до Отечественной, — начал председатель сельсовета задумчиво. — А в сорок третьем, как проходил мимо Ковпак, он, старый, примкнул к ним — и не вернулся. Сам-то я под Сталинградом страдал...

— Что именно говорил ваш папа? — насторожилась Инна, и ребята плотнее окружили рассказчика.

— Да ведь я уже подробно рассказывал вашим товарищам, — вдруг вспомнил председатель.

— Что вы, что вы! — зашумели ребята. — Когда?

— Был тут ваш передовой пост на легковой машине...

Москвичи так и застыли в удивлении. Уже второй раз они приходят в село не первыми, а следом за неуловимым «передовым постом». Он двигался впереди примерно на два-три перехода и дезорганизовывал работу экспедиционного отряда.

Сашко и Зарубин удалились с председателем и долго беседовали там. Когда они вышли, отряд уже построился, готовый к движению на Гать-Гацисские.

Оглядев колонну, Федя не увидел проводника.

— Куда Тарас исчез? — спросил он у Олега.

— А, чуть было не забыл, — откликнулся тот. Порывшись в грудном кармане рубашки, он извлёк сложенную вчетверо бумагу.

Начальник штаба прочёл: «Скоро вы о нас кое-что услышите. Тарас Чухно, Курупчинская пионерская дружина».

«Не из того ли «передового поста» Тарас-проводник? — подумал Федя. — Первыми хотят найти партизанский клад... Не выйдет!»

Когда московские школьники отправлялись в далёкую дорогу, Федя полагал, что она будет такой же спокойной и размеренной, как утренняя гимнастика по радио. Но говорило за это — и тщательно составленный план на время похода и строго распределённые обязанности между участниками экспедиции. Присутствие старших оберегало от всяких случайностей. А на деле вышло иначе. Права оказалась Инна, считавшая, что впереди будет много приключений. Ей с азартом вторили Кама и Олег:

— Ну что за путешествие без приключений!

Зарубин, посмеиваясь, пообещал:

Продолжение. Начало см. „Искру“ № 8—10 за 1959 г.

— Погодите, хватит на всех...

И приключения начались сразу же. Поезд ещё не пересек черту Москвы, а отряд столкнулся с первым, не предусмотренным планом событием: неожиданно пришлось брать с собой Степанчика. Потом чуть не утонула в болоте Кама. А тут ещё и «передовой пост» и Тарас-проводник!

Уж не слишком ли много приключений!

На отдых москвичей поселили в пустующей летом школе. Перед отбоем в одном из классов собрался штаб отряда—обсудить дальнейший маршрут. От Болочиска до Курупчина ребята пешком и на попутном транспорте преодолели 106 километров. Теперь они находились в самом центре бывшего партизанского района во время Отечественной войны. Отсюда открывались дороги к Подгайцам, Жовтеню и другим городам и местечкам Западной Украины.

Сашко давал задания. Обработать собранный материал поручалось Инне и Тане. Кама и Қасым должны

были привести в порядок коллекции для школы. Стёпе следовало не прерывать радиосвязь с Москвой и украинскими пионерскими дружинами.

Кажется, всё было на завтра предусмотрено, но штаб ещё долго не расходился. Ждали товарища, Мишу, уехавшего в районный центр по делам. Ребята знали, какие это «дела», и беспокоились.

Зарубин приехал к девяти часам.

— «Передовой пост» — это Виктор Шапиро, — под возгласы удивления сообщил он.

— Забрать его — и всё! — вспыхнул Федя.

— За что? Противозакония в поступках Шапиро пока нет. Может, он тоже хочет изучать историю отряда Прибыткова? Вот, например, мне сказали, что в поход по партизанским тропам ушли и курупчинские пионеры. У них свой маршрут.

Коля, довольный, потёр руки:

— Ага, поднялась ребятня! Ну, если у нас будет столько помощников, успех можно считать обеспеченным. Точка!

ОЛЕГ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

РАСХОДИЛИСЬ поздно. Федя остался один, думая над тем, что занести в дневник. Взглянув в окно, увидел, что на дорожку дворика упала короткая тень. Внизу стояла девочка. Заслышав стук оконных створок, она отшатнулась. «Местная», — решил мальчик.

Вышедшая луна снова на секунду вычертила на земле быстро уходящий в темноту силуэт. Не раздумывая, Федя выскользнул из окна и прокрался за ограду школы.

— Инка!

Девочка бросилась бежать. Догнать её, конечно, для такого бегуна, как Федя, было пустяком. Запыхавшись, он схватил Инну за плечо, повернул к себе. На миг блеснули холодные светлячковые глаза. На дорогу упала коробка.

— Почему одна? — поняв, в чём дело, спросил Федя, помогая собирать рассыпавшиеся карандаши. — Ведь страшно, наверное?

— Жутко! — с дрожью в голосе согласилась Инна. — Но это-то и хорошо.

Она пошла впереди. Скоро минули окраину села, вышли на огороды. Там господствовала огромная с зазубренными краями серебряная луна. Небо было сизым, бездонным. Кто-то словно продырявил его, и через каждую дырку на землю глядели луны-малютки.

— Вот он! — шёпотом показала Инна, протянув руку вперёд.

На краю оврага в беспокойной позе застыл старый-престарый осокорь. Его седая, словно посыпанная алюминиевой пылью, вздохмаченная крона чётко выделялась в лунном сиянии.

Как зачарованная, полными восторга глазами смотрела на дерево Инна.

— Я хотела угадать, каким он будет ночью.

— Ну и ничего особенного, — вгляделся Федя. — Осокорь, одним словом. Обиженное природой растение. Дряхлеет.

— Ничего-то ты не понимаешь, Феденька... Это же отец всех! Ты

видишь, сколько растёт маленьких осокорят с его южной стороны. Они защищены от холода широко расставленным стволом. Это ещё днём Кама подметила. Мудрое дерево! Знаешь, свой этюд я назову «Мудрость».

К рисованию у Инны были большие способности. Все говорят, что она станет художником. Её акварели лучшие в школе. В прошлом году за рисунок «Голуби» она получила премию на конкурсе.

Осокорь Феде не нравился. Во все стороны от корявого с наростами бородавок ствола отходили колючие побеги: дерево словно ошетинилось против всего на свете.

— Единоличник, индивидуалист он!

Инна села на землю. Федя примостился рядом, смотрел на её пальцы.

— Какой же это индивидуалист — мой осокорь? Правда, стоит один, но он самый первый вырос тут! А недоверчивый он потому, что его, наверное, часто обижали, выдирали корни.

Федя никак не мог согласиться с юной художницей.

— Видишь, один осокорёнок отбился, как твой братец. Ты посмотри внимательнее!

Возвращались той же тропинкой. У школы Инна показала Феде розовый, как арбузное семечко, язычок и прыгнула на крыльцо. И только она исчезла в дверях, как к Феде неслышными шагами подкрался Олег.

— Здесь был! — зловеще прошепел он.

— Кто? — испугался Федя, подскочив к другу.

— Плесень-пенициллин! Сам видел.

— Да ну? Что же ты тревогу не поднял?

— Поднимешь! — присвистнул Олег. — У него тут свой человек есть. — Он распрямился: Федюк, разреши мне провести ночную разведку.

Получив разрешение, Олег немедленно скрылся. Федя постоял-постоял и тем же приёмом, как и вышел

из школы, вернулся в неё — через окно.

Утром у Олега Пахмутова были самые потрясающие известия. Зайкась, он торопливо докладывал:

— У крыльца школы следы. Один каблук стёсан, в нём гвоздь выпирает, вдавливается в землю. Номер обуви — тридцать третий. Я уже всё рассчитал. Ступня равна одной седьмой части роста человека, значит, след девочки. — Олег взял под руки Колю и Федю, повёл за собой. — Вот на этом месте она кого-то ждала, Испугалась. Потом, убедившись, что её не преследуют, а, наоборот, ждут, остановилась. Теперь уже — две пары следов. Парень. Рост приличный. Шаг широкий...

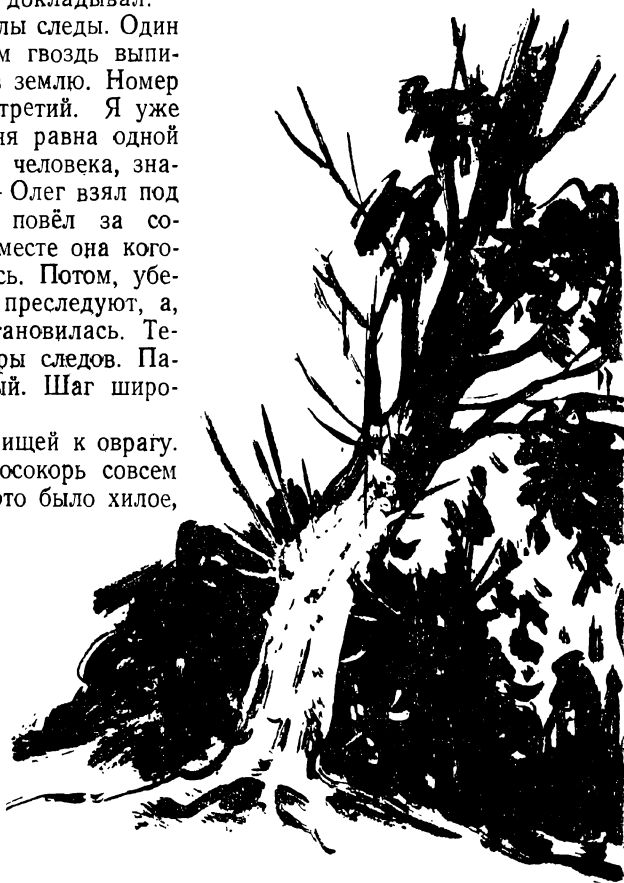
Олег привёл товарищей к оврагу. При дневном свете осокорь совсем разочаровал Федю: это было хилое, доживавшее последние годы, дерево.

Здесь парень и девочка сели. Разговаривали, — вдохновенно продолжал Олег. — Что-то записывали...

— А что записывали? — спросил

Коля, с уважением заглядывая в незакрывающийся рот Олега.

— Как что? — удивился тот. — Про наш маршрут! Потом парень

пошёл провожать... Идёмте обратно! — Олег довёл ребят до школы. — Девочка взойшла на крыльцо, а парень постоял-постоял под окном и...

Сдержаться было невозможно. Обхватив руками живот, Федя упал на траву.

— Вот ты ржёшь, Федька, а я...

Чем больше Федя смотрел на серьёзное лицо Олега, тем сильнее смеялся.

— Ребята, Олег превзошёл сам себя!

Олег готов был немедленно растерзать обидчика.

— Я нашёл предателя, — взвизгнул он и торопливо стал объяснять: — Сегодня ночью этот предатель встретился с Витькой Шапиро и передал ему наши планы. Это — Инка!..

Федя одним прыжком оказался около нового Шерлока Холмса и закрыл ему рот ладонью. Но у Олега появился неожиданный союзник.

— Не мешайте! — подавшись вперёд, выкрикнула Зоя. — Федюк, ты что, боишься правды?

Создалось опасное для Инны положение. Федя почувствовал, что ребята, поверив Олегу, явно склоняются на его сторону. Видя это, Олег ещё больше распалился. Резко оттолкнув Федю, он завопил:

— Не зажимай рот! Не зажимай!

— Что здесь происходит? — спросил подоспевший Сашко.

Перебивая друг друга, ребята рассказали. Сашко приказал отряду построиться. Кроме Инны, оставшейся на прежнем месте, все быстро встали на свои места. Гордо тряхнув косами, Инна медленно направилась к крыльцу. Олег кошкой подбежал к оставшимся отпечаткам её ботинок.

— Ага, что я говорил!

Это было уже слишком! Надо было сейчас же, немедленно, пока Инна поднимается на крыльцо, рассказать обо всём, что случилось в прошлую ночь. И как поднимал из дорожной пыли карандаши, и как ругал осокорь... Решившись, Федя сделал несколько шагов и рядом с Иннинными следами сделал на мяг-

кой земле оттиски подошв отцовских сапог, с которыми не расставался. Олег нагнулся, выхватил из кармана огромную, величиной с чайное блюдо, лупу в железной оправе.

— А вы меня не пугайте! — закричал он, вставая и стряхивая с колен грязь. — Я четыре часа потратил на распутывание...

Инна вышла из школы с рюкзаком за плечами в полной походной форме. Ни на кого не глядя, направилась к калитке. Уже у ограды её догнал вожатый. Она замедлила шаг, оглянулась и, привалившись к деревянной ограде, заплакала.

...После обеда отряд выступил дальше. Проходя мимо злополучного осокоря, все отвернулись. Но Касым заметил на нём приколотую булавкой бумажку:

— Федюк, смотри!

Ребята окружили дерево, сняли записку «Идём в Шепетовку, на родину нашего земляка — Героя Советского Союза пионера Вали Котика. До побачения! Тарас Чухно».

— У них все дружные, — с завистью произнёс Стёпа.

Федя хотел прикрикнуть на него, но вместо этого приказал:

— Передай радиogramму в Шепетовку: начальнику экспедиционного

отряда Курупчинской пионерской дружины Чухно. Шлём привет...

— От имени нашего отряда присим возложить венок... — продолжал Коля Сергеев.

На могилу любимого Орлёнка, — закончил Сашко.

Феде ничего не осталось, как напомнить.

— Смотри, Лукашич, не проморгай время передачи.

Стёпа по-военному отсалютовал:

— Так точно, будь уверен!

КОЛИНЫ ТРОФЕИ

УТРО выдалось жаркое, разбитая сотнями машинами дорога пылила. Пришлось свернуть на просёлочную тропу. Она шла по открытым солнцу полям. На многие километры не видно было ни одного деревца, ни одной тенистой балки: всюду была пшеница и пшеница. Хлебное море, сначала радовавшее ребят, стало пугать. Кама попробовала расшевелить товарищей и запела:

Небо полудённое,

Жара — не подступи...

Но голос её, высокий и звонкий, обиженно заглохнул в пшенице, песню не поддержали. С каждой минутой палило сильнее. Налетевший однажды лёгкий ветерок где-то застрял и больше не вернулся.

— Эх, — облизнулся Стёпа Лукашин; — пломбирчику бы или эскимо! Он живо представил себе, как в такой день на Чистых Прудах лётками и киосками с мороженым и тележками с газировкой хоть пруд пруди.

— Хотите, прохладный анекдот расскажу? — предложил Олег. — Одна семья села за стол обедать. Все с аппетитом уплетают окрошку. Только ребёнок сидит перед тарелкой и слюнки глотает. «Ты почему не кушаешь?» — спрашивают его. А он отвечает: «Жду, когда остынет».

— Ничего смешного; — отвернулся Кама. — Потому что и в самом деле очень душно тут...

Впереди, километрах в трёх, Инна увидела медленно движущуюся точку. Федя приложил к глазам бинокль.

— Это комбайн. За ним ещё... раз, два... шесть комбайнов.

Ребята пошли веселее. Но тропа неожиданно повернула вправо.

Сашко оглядел потные лица ребят.

— Сергеев, — позвал он, — выясни у комбайнеров, где тут близко река или озеро. Передай рюкзак Прибыткову!

— Есть!

Осторожно разгребая руками колосья пшеницы, Коля быстро пошёл наперерез комбайнам. Через несколько минут поле поглотило его.

— Пшеничка! — без всякого восхищения проговорил Федя, пристёгивая рюкзак приятеля рядом со своим.

Рюкзак был тяжёлым и неудобно прилегал к спине: на лопатки давили какие-то комья, мешавшие при ходьбе. Федя привстал, решил переложить Колины вещи. В рюкзаке, завернутые в полотенце, лежали старые боксёрские перчатки.

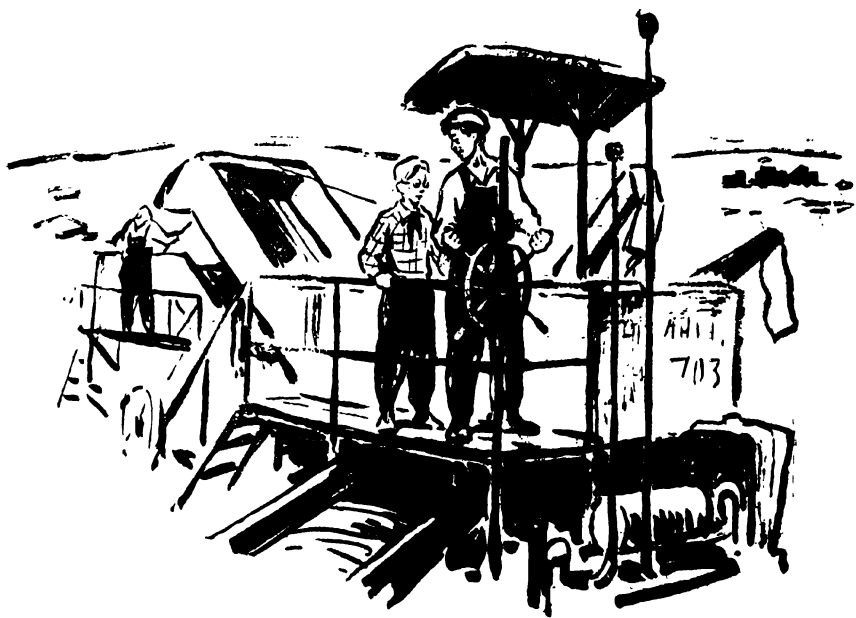
— Выбрось к чертям! — посоветовал любопытствующий Олег.

— Что ты! — не согласился с ним Стёпа. — У меня рация вон какая тяжёлая, а если и её — к чертям?..

Впервые за всё время похода Федя молчаливо согласился со Степанчиком: бокс — любимое занятие Коли Сергеева. Пожалуй, не занятие, а страсть.

Федя помнил Колю с первого или второго класса. Рос он слабенким парнишкой. Никто не провожал его в школу, никто не встречал. Зайдя однажды к Сергеевым, Федя был потрясён. Известный во время Отечественной войны танковый офицер сидел в мягком передвижном кресле и чинил Колины валенки. Не свои, а сынишки. Обоих ног у Николая Николаевича не было...

Однажды танкисты-однопольчане принесли Николаю Николаевичу продолговатый кожаный мешок, похожий на грушу, и пару боксёрских перчаток. Коля стал аккуратно ходить в клуб пионеров на занятия боксёрской спортивной секции, а зимой участвовал в соревнованиях. Его так и звали в классе «чоккастый чемпион».

Вот почему сейчас, несмотря на то, что рюкзак Коли неудобно лежал на спине, Федя нёс его и не чувствовал тяжести.

...Тарахтенье моторов, тихо слышимое в пшенице, вдруг стало резким, как только Коля выбрался на жнивье. Прижавшись к голубому, сверкавшему на солнце, боку комбайна, шёл пятитонный грузовик, а из-за пригорка спешил второй, за ним, вдали, торопился третий. Колю обдало горячим дыханием моторов. Штурвальный приветливо подал руку, пригласил к себе. Коля с удовольствием поднялся на мостик.

— Насчёт колосков? — спросил штурвальный, смеясь. — Нет, браток, ничего я вам не оставил!

— Каких колосков? — не понял Коля.

Сейчас уже удивился штурвальный.

— Пионеры меня контролируют, как я хлеб убираю, не оставляю ли за собой колосья...

— Я из пионерской экспедиции! — пояснил Коля. — Мы на Подгайцы идём. Река тут близко есть?

Комбайнер удивился.

— В пяти километрах отсюда будет балочка, а там и река. — Он прищурил глаза, внимательно огля-

дел Колю. — А на усадьбе не ваши парни гуляют? Тоже, говорят, из экспедиции. «Победу» чинят!

Коля так и присел от неожиданности. Он сразу понял, о ком идёт речь, и заторопился.

— Где усадьба?

— Садись на грузовик, подвезёт.

Коля шаром скатился с комбайна, забрался в кабину пятитонки. Шофёр осторожно вывел машину из-под брезентового рукава хедера и направил её к видневшемуся вдали неподвижному ветродвигателю.

Минут через пятнадцать Коля был уже на усадьбе колхоза. Здесь ему указали на чайную. Под брезентовым зонтом сидел парень и вполголоса напевал:

Все московские стилиаги

Помешались на «Бродяге»...

Присмотревшись, Коля узнал Самойлова. «Факт, он ездит вместе с Витькой», — смекнул пионер и подошёл к столику.

— Алло, Самойлов!

Парень взглянул невесело. Он был пьян.

Даже бабушка моя

Говорит: а-ба-ра-я...

Коля присел за стол напротив пев-

ца, огляделся. В садике-чайной было пусто.

— Где Виктор? — спросил он.

— К-какой Виктор? — в упор глядя на Колю и медленно осмысливая происходящее, переспросил Самойлов. — П-пенициллин? Механика ищет... Пстой! — вдруг приподнялся он, протягивая пионеру руку: — Москвич ведь ты, из экспедиции! Ну, нашли золото? Золото?

— Золото?

Самойлов нетвёрдо шагнул к Коле.

— Не притворяйся, — выдохнул он: — Говори, где?

— Нашли-то? — Коля отстранился, бросил взгляд на стол, на котором среди изгрызанных окурков и грязных стаканов лежал небрежно завернутый в старую газету пакет, а сверху — массивные серебряные часы с открытой крышкой. Они ме-

лодично и размеренно тикали, показывая время: 12.15. Коля рванулся к столу, и в глаза ему бросилась выгравированная на крышке надпись: «Г. И. Васютину за бое...». Дальше прочесть он не успел. Удар кулаком по голове свалил его на пол.

Вскочив, Коля встал в привычную боксёрскую позу: расставил слегка согнутые в коленях ноги, выдвинув вперёд левое плечо, а туго сжатые кулаки подтянул к подбородку.

Хулиган не разглядел в мальчишке бойца, напролом полез к нему и сразу же получил сильный удар в челюсть. Падая, Самойлов зацепился за стол, повалил его. Не теряя времени, Коля схватил упавший на пол пакет, из которого выглядывали конверты с треугольным штампом и часы. Мальчик быстро опустил их в грудной карман рубашки.

(Продолжение следует)

...что кучевые облака, начинаясь в километре — двух над Землёй, поднимаются ввысь до 10—12 километров, а в тропиках даже до 16—18 километров, вдвое превышая рост высочайшей вершины мира — Джамолунгмы.

...что не все птицы одних и тех же пород, обитающие на разных материках, понимают друг друга. Учёные записали на плёнку магнитофона крики галок, гнездящихся во Франции. Затем эти записи были воспроизведены в местах гнездования галок на американском побережье. Оказалось, что только некоторые американские галки реагировали на крики своих французских родственников. Большинство же оставалось совершенно равнодушными. Сходные результаты дали опыты с чайнами и другими птицами. Видимо, и среди птиц есть владеющие «иностранными языками» и менее «образованные».

...что существует львиный заповедник. Его создали по решению правительства Индии вблизи города Бенареса, чтобы предотвратить истребление последних оставшихся 300 львов. Злейшими врагами львов являются тигры.

...что овцеводы Южной Африки используют страусов для охраны овечьих стад. Удары крепких ног и щипки сильного клюва мало кому приходится по вкусу, и похитители овец перестали наведываться в эти края.

...что за год только в СССР отправляется более 13 миллиардов писем. Приняв в среднем вес одного письма за 25 граммов, получим общий вес годовой переписки в 325 тысяч тонн!

...что птицы при дальних перелётах ориентируются днём по солнцу, а вечером по звёздам. Это доказано опытами, проделанными зарубежными учёными. Птиц, ещё ни разу не совершавших перелётов, доставили в планетарий и стали попеременно «включать» то осеннее, то весеннее ночное звёздное небо. В соответствии со «сменой сезонов» в планетарии птицы летали то в юго-западном, то в северо-восточном направлении.

Рисунки Г. ЯСИНСКОГО

...что существует кислая река. Она протекает по территории Колумбии и называется Рио-Винегре. Учёные установили, что в этой реке содержится на каждую тысячу частей воды 11 частей серной и 9 частей соляной кислоты. Видимо, в истоках реки находится действующий вулкан. Вода настолько кислая, что в ней не могут жить рыбы и её нельзя пить.

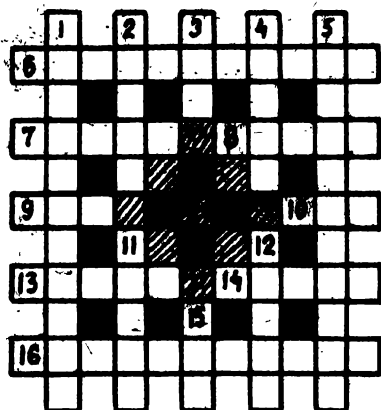
...что финиковая пальма даёт человеку, кроме древесины, листьев (для плетения различных изделий), сока (для изготовления прохладительных напитков), вкусных фиников, ещё и... кофе. Его вырабатывают из косточек плода. По вкусу финиковое кофе превосходит жёлудёвые и ячменные суррогаты, а некоторые предпочитают его даже натуральному.

...что змеи носят очки и даже меняют их много раз за свою жизнь. Глаза у змеи не закрыты подвижными тёмными веками, как у других животных. У неё над каждым глазом прикреплено к краю глазницы прозрачное веко, совершенно как стёклышко к дужке очков. Во время линьки змея вместе с кожей сбрасывает и эти «очки», т. е. с течением времени они мутнеют.

КРОССВОРД

Отдел ведёт В. Актёв

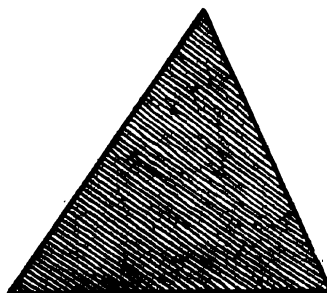
По горизонтали: 6. Сельскохозяйственное орудие для обработки почвы. 7. Знаменитый русский полярный исследователь. 8. Литературное произведение, предназначенное для постановки на сцене. 9. Вид

лёгкой атлетики. 10. Сибирская река. 13. Пьеса А. Афиногенова. 14. Торжественное праздничное шествие. 16. Миллионная часть миллиметра.

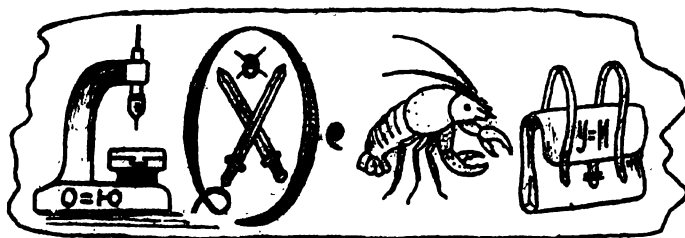
По вертикали. 1. Морская птица. 2. Рассказ И. С. Тургенева. 3. Персонаж из произведения Марка Твена «Том Сойер». 4. Дыхательный орган рыб. 5. Толкователь. 11. Ручной инструмент, применяемый в горном деле. 12. Сиденье для гребцов в лодке. 15. Австралийская бегающая птица.

ТРЕУГОЛЬНИК

Разделите этот треугольник двумя прямыми линиями на части, из которых можно было бы сложить квадрат.

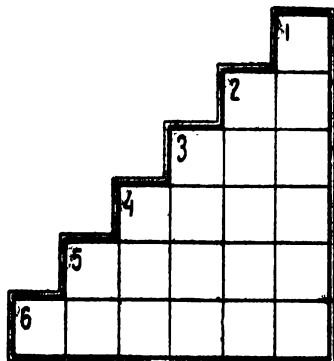

РЕБУС

Разгадав ребус, вы прочтёте фамилию известного русского писателя и название его произведения.

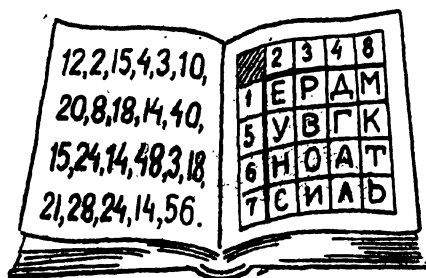
ЛЕСТНИЦА

По горизонтали. 2. Известный русский художник. 3. Движение ноги при ходьбе. 4. Надпись должностного лица на документе, придающая последнему силу. 5. Водитель самолёта. 6. Сельскохозяйственное орудие.

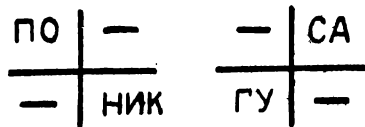
По вертикали. 1. Большое открытое состязание гребных или парусных судов. 2. Площадка, засеянная травой. 3. Инструмент для прокалывания отверстий. 4. Водоворот в глубоком месте реки или озера. 5. Крупнейшая река Италии.

ГОЛОВОЛОМКА

Что скажет вам эта раскрытая книга?

НАЙДИТЕ СЛОГИ

Замените чёрточки слогами так, чтобы в каждом случае можно было прочесть четыре слова — два по горизонтали и два по вертикали.

ЗАДАЧА БУКВ

Даны 27 слов:

спор, овал, диван, болт, буер, джонка, Марат, ветер, пилот, рейка, волх, пола, корид, белок, банк, семья, вход, под, дом, пара кино, Турек, сорт, пакет, рука, борк, борт.

Исключите из каждого слова по одной букве так, чтобы получилось 27 новых слов.

Исключаемые буквы выписывайте по порядку, — у нас получится пословица.

Напишите нам, как вы понимаете эту пословицу. Не знает ли кто-нибудь другие русские пословицы, близкие к этой по смыслу?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» №№ 9—10)

ЗАДАЧА

«Опричник», «Ундина», «Черевички», «Мазепа», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Лебединое озеро», «Воевода», «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Иоланта», «Чародейка».

КРОССВОРД

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Лебедев. 2. Марат. 3. Губин. 4. Горький. 6. Тюленев. 9. Короленко. 10. Менделеев. 12. Говоров. 13. Бюшовой. 18. Бакунин. 19. Кулибин. 21. Толстой. 24. Фомин. 25. Попов.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 5. Тельман. 7. Кутузов. 8. Талалихин. 11. Седов. 14. Репин. 15. Косинов. 16. Желябов. 17. Пестель. 20. Потапов. 22. Дудко. 23. Чехов. 26. Ломоносов. 27. Мичурин. 28. Кольцов.

ИЗ ПРОШЛОГО НАШЕЙ РОДИНЫ

1. — 1147. 2. — 1741. 3. — 1113. 4. — 1917. 5. — 1714. 6. — 1941. 7. — 1891. 8. — 1471. 9. — 1749.

АНАГРАММЫ

1. Некрасов. 2. Грибоедов. 3. Державин. 4. Достоевский. 5. Станюкович. 6. Маршак.

РЕБУС-КНИГА

Толстой. «Война и мир».

СОДЕРЖАНИЕ

Стальная поступь Октября. Стихотворение Г. Борисова и В. Михайлова	1
Рассказы о прошлом. Именем революции. Рассказ В. Верховского и Г. Гоппе	2
Пашка-сапожник. Рассказ Всеволода Нестайко (перевод с украинского Д. Ружинского) . . .	10
На заводе Полканова. Отрывок из книги Георгия Никулина	22
Подарок Ильича. Рассказ Н. Дождикова	33
Творчество юных. Слепой. Стихотворение ученика 281-й школы Миши Каледина. Ильич. Стихотворение ученицы 182-й школы Аллы Зайцевой	35
Родина. Песня И. Розенфельда на слова П. Кобракова	36
Республика, в которой ты живёшь. Ворота в океан. Очерк Г. Иванова.	38
Покоряющий Космос корабль. Статья А. В. Поваляева	42
Летит, летит ракета! Стихотворение ученика 307-й школы Серёжи Королёва	49
А Сингапура нет... Стихотворение В. Сулова . . .	50
Тропой легенды. Главы из повести П. Казакова . .	53
Знаешь ли ты?	61
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева «Праздничный день».

На второй странице обложки — рисунок К. Бекташева «У новой карты».

На третьей странице обложки — «Как передник шили». Текст С. Колина, рисунки М. Бекташева.

На четвёртой странице обложки — рисунок К. Бекташева «Будущие астронавты».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 15/X Подписано к печати 10/XI-59 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,28
 М-46751. Зак. № 1569. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.
 Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

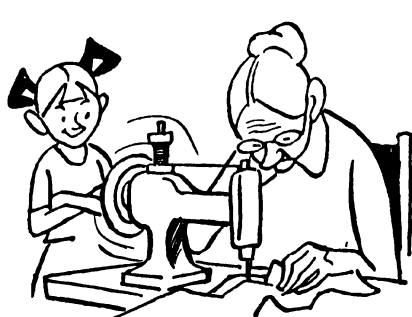
Как передник шили

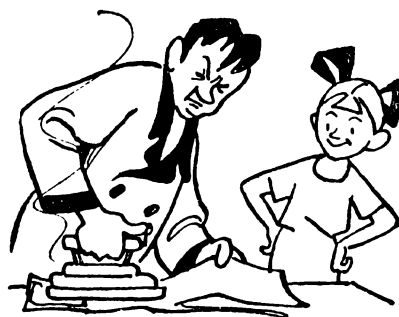
— В четверг у нас урок труда.
Как сшить передник? Вот беда!

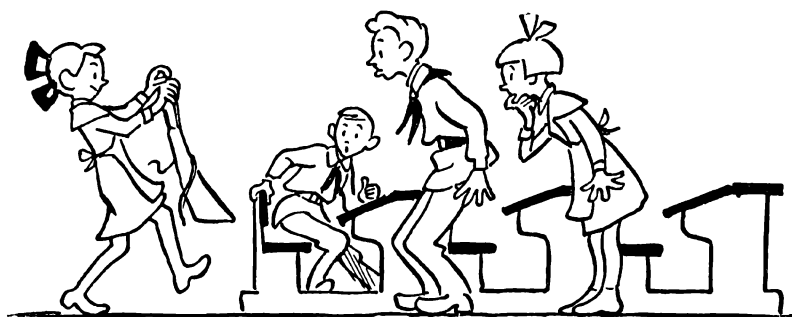
— Кроить ты, мама, мастерица.
Изволь для дочки потрудиться!

— А ты, бабуся, сядь и шей,
Да попроворней, побыстрей!

— Ты, папа, мастер гладить брюки,
Утюг бери скорее в руки!

В восторге весь четвёртый класс:
— Портниха Катенька у нас!

Текст С. КОЛИНА
Рис. М. БЕКТАШЕВА

КАРТА ПОЛЁТА

МАРС

ЛУНА

ЗЕМЛЯ

ПИОНЕР

